Книга переведена на 30 с лишним языков!
В мире продано более
50 миллионов экземпляров!

Ричард Адамс

ОБИТАТЕЛИ ХОЛМОВ

АЗБУКА

Азбука-бестселлер

Ричард Адамс

Обитатели холмов

«Азбука-Аттикус»
1972

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Адамс Р.

Обитатели холмов / Р. Адамс — «Азбука-Аттикус», 1972 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-21471-2

«Обитатели холмов» — история искателей приключений поневоле, которым пришлось покинуть свой гибнущий город и отправиться в длинное, полное опасностей путешествие. И ни один из них не знает, где оно должно окончиться. У героев романа Адамса есть своя мифология, язык, обычаи и жизненный уклад. Они рассказывают друг другу сказки и роют подземные убежища. Но они кролики, а не люди, превращенные фантазией автора в зверей. Этот удивительный роман способен покорить сердца не только взрослых, но и детей. «Обитатели холмов» — одна из лучших книг, написанных в XX◦веке,◦— занимают достойное место в одном ряду с «Маленьким принцем» А.◦де◦Сент-Экзюпери, «Чайкой по имени Джонатан Ливингстон» Р.◦Баха, «Вином из одуванчиков» Р.◦Брэдбери и «Цветами для Элджернона» Д.◦Киза. Роман публикуется в исправленном и дополненном варианте.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-21471-2

© Адамс Р., 1972
© Азбука-Аттикус, 1972

Содержание

Благодарности 6
Замечания 7
Часть первая. Путешествие 8
1. Доска с объявлением 8
2. Старшина 11
3. Орех принимает решение 14
4. Уход 16
5. В лесу 19
6. Сказка про то, как Фрит благословил Эль-Ахрайраха 22
7. Лендри и река 24
8. Переправа 26
9. Ворона и бобовое поле 30
10. Дорога и пустошь 33
11. Трудный путь 38
12. Незнакомец в поле 41
13. Гостеприимство 48
14. Как деревья в ноябре 53
15. Сказка о королевском салате 61
16. Дубравка 65
17. Блестящая проволока 69
Конец ознакомительного фрагмента. 74

Ричард Адамс
Обитатели холмов

Richard Adams
Watership Down

© Richard Adams, 1972
© Т. Н. Чернышева, перевод, 2021
© В. В. Еклерис, иллюстрация на обложке, 2016
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Я видел Предводителя кроликов.
У. де ла Мар

Джульет и Розамунде в память о дороге на Стратфорд-он-Эйвон

Благодарности

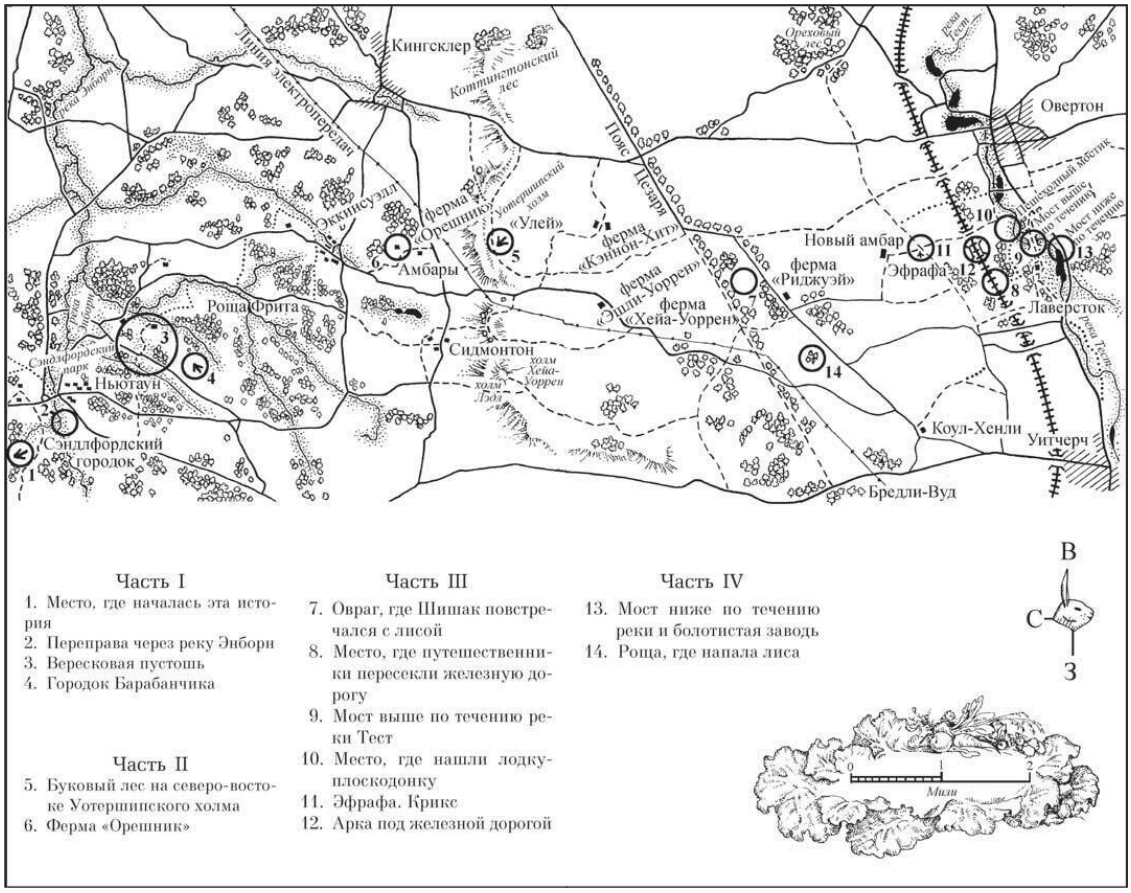
Я с огромным удовольствием благодарю за помощь не только мою семью, но и моих друзей Рега Сона и Хала Саммерса и их семейства, которые прочли книгу до публикации и сделали полезные критические замечания.

Я также хочу от души сказать спасибо миссис Маргарет Эппс и мисс Мириам Хоббс, которые взвалили на свои плечи все трудности по набору рукописи и помогали мне во всем.

Я в неоплатном долгу перед мистером Р. М. Локли за сведения о кроликах и их поведении, почерпнутые мной в его замечательной книге «Частная жизнь кролика». Каждый, кто хочет получить дополнительную информацию о миграции годовалых особей, о подбородочной железе, о жевательных гранулах, о том, что происходит при перенаселении участков, где водятся кролики, о рассасывании уже оплодотворенных эмбрионов, о способности самцов кроликов сражаться с горностаями и о прочих особенностях жизни длинноухих, должен прочитать эту великолепную книгу.

Замечания

Ферма «Орешник» действительно существует, как и все остальные места, описанные в книге. Но мистер и миссис Кейн, их маленькая дочь Люси и люди, работавшие на ферме, – персонажи вымышленные, и я не собирался делать их похожими на живых или уже ушедших из жизни людей, которых когда-либо знал.



Часть первая. Путешествие

1. Доска с объявлением

Хор: Что вздох твой значит? Что смутило мысль твою?
Кассандра: Пахнуло духом свежей крови пролитой…
Хор: То запах жертв. И туков дым, и ладана.
Кассандра: Не похороны ль в доме? Фимиам и тлен.
Эсхил. Агамемнон. Перевод Вяч. Иванова

Примулы отцвели. И до самой границы леса, где начинался открытый луг, который полого спускался вниз до заросшего куманикой рва возле старой изгороди, только несколько выцветших их островков все еще желтели среди пролесника и меж корнями дубов. Дальше за изгородью вся верхняя часть луга была изрыта кроличьими норами. В траве зияли проплешины и виднелись кучки сухого помета, после которого растет только крестовник. Внизу под склоном, примерно в ста ярдах, бежал узкий – шириной фута три, не больше, – ручей, заросший калужницей, водяным крессом и голубой вероникой. Проселочная дорога, перебравшись через кирпичный мостик, бежала дальше на соседний холм и упиралась в ворота из пяти старых темных жердин, стоявшие в живой изгороди из колючего кустарника. Дальше от ворот в глубину уходила протоптанная тропа.

Майское солнце садилось в багровых тучах, но до сумерек оставалось еще около получаса. Склон весь был усеян кроликами. Одни щипали жиденькую траву, не отходя от норы, другие бежали вниз по склону к ручью искать одуванчики или, если повезет, первоцвет. Кролики-сторожа сидели на муравейниках и, навострив уши и держа нос по ветру, наблюдали за округой. Но дрозды на опушках пели спокойно, давая знать, что в лесу никого нет, а поля за ручьем прекрасно просматривались, и там тоже было спокойно и пусто.

Несколько нор, еле заметных сквозь заросли куманики, расположились на самой вершине склона, у дикой вишни, где на ветке пел дрозд. На пороге одной из нор, в зеленоватом сумраке, сидели бок о бок два кролика. Кролик побольше, собравшись наконец с духом, помчался вниз под прикрытием куманики – по склону, через ров и дальше в поле. Немного погодя за ним последовал второй.

Первый кролик остановился на солнечном пятачке и принялся быстро-быстро чесать задней ногой за ухом. Хотя от роду ему был год и он еще не набрал взрослого веса, смотрел он прямо, и в глазах у него не было той вечной тревоги, выдающей «задворника», у которого нет ни аристократических предков, ни выдающегося роста, ни могучей силы. Рядовые кролики-первогодки всегда живут, как могут, на задворках, стараясь быть незаметными для старших, и у большинства нет даже нор. Но этот, судя по виду, умел о себе позаботиться. И когда он, начесавшись, принялся тереть передними лапками нос, взгляд у него был сметливый и жизнерадостный. Потом, довольный, кролик прижал уши к спине и принялся за траву.

Второй, похоже, был не так уверен в себе. Маленький, с большими внимательными глазами, он постоянно вскидывал голову, озирался, но в этих его движениях сквозил не столько страх, сколько всегдашняя настороженность. Нос непрерывно двигался, а когда у него за спиной из цветущего чертополоха с жужжанием вылетел шмель, кролик так подпрыгнул на месте, что два приятеля, пасшиеся неподалеку, со всех ног кинулись к норам, но один, черноухий, оглянувшись, узнал прыгуна и вернулся, снова принявшись за еду.

– А-а, – сказал черноухий, – опять этот Пятик от мух шарахается. Так о чем ты там говорил, Алтейка?

– Пятик? – переспросил второй кролик. – Это еще что за имя?

– «Маленький пятый». Видишь ли, он родился в помете последним и был самым маленьким. Те, кто с ним знаком, его штучкам не удивляются. А я так думаю, что лиса на него не позарится, а человек вообще не заметит. И уж кто-кто, а этот *Пятик*[1] себе укромное местечко всегда найдет – это точно!

Маленький кролик тем временем приблизился к первому, высоко подбрасывая длинные задние ноги.

– Давай-ка уйдем отсюда, – сказал он. – Понимаешь, Орех, мне сегодня весь вечер мерещится, будто что-то не так, но не пойму, в чем дело. Давай лучше сбегаем к ручью?

– Ладно, – согласился Орех, – а ты найдешь мне там первоцвет. Если уж ты не найдешь, то, значит, и никто не сможет.

И он первым помчался по склону, а за ним понеслась его длинная тень. Добежав до ручья, кролики засновали по обочине дороги в поисках хорошей травы.

Пятик довольно быстро нашел что искал. Кролики любят первоцветы, и обычно в тех местах, где есть хоть несколько кроличьих нор, к концу мая их не остается. Пятик нашел кустик, почти скрытый высокой травой, с еще не распустившимся бутоном. Но не успели они приняться за листья, как тут их заметили двое старших, подбежавших с другой стороны луга, от коровьего брода.

– Нашли первоцвет? – поинтересовался один. – Молодцы, отойдите в сторону. Ну-ка, ну-ка, быстро, – добавил он, когда Пятик замешкался в нерешительности. – Ты что, не слышал?

– Ленок, это Пятик его нашел, – сказал Орех.

– А мы съедим, – заявил Ленок. – Все первоцветы отдавать аусле, ты что, никогда не слышал? Если нет – мы живо объясним, что к чему[2].

Пятик помчался прочь. Орех догнал его у канавы.

– Сыт я по горло, – заявил он. – Всегда одно и то же. «У кого когти, тому и первоцвет». «У кого зубы, тому и нора». Знаешь, если я когда-нибудь попаду в ауслу, то буду относиться к задворникам все же помягче.

– Тебе-то хоть надеяться можно, что ты когда-нибудь туда попадешь, – откликнулся Пятик. – Вон ты как потолстел. А мне и мечтать нечего.

– Ты же знаешь, я тебя одного не брошу, – сказал Орех. – По правде говоря, иногда хочется сбежать. Ну да ладно, давай-ка плюнем на все и попробуем поднять себе настроение. Может, сгоняем за ручей? Наши туда почти не бегают – отдохнем немного. Если, конечно, ты думаешь, что там не опасно, – добавил он.

Они вели разговор так, что любому было понятно, кто из них самый умный.

– Нет, там неопасно, – ответил Пятик. – Я предупрежу, если вдруг почую неладное. Но похоже, там не опасность, а что-то… другое. Это… не знаю… что-то большое, как гроза: не знаю, что это. Но туда все равно можно.

Они перепрыгнули на другой берег. Трава вдоль ручья была густой и влажной, и они побежали вверх поискать местечко посуше. Солнце садилось у них за спиной, по склону уже побежали тени, и Орех, которому очень хотелось найти теплый солнечный пятачок, добежал почти до самых ворот. Там он остановился и вытаращил глаза.

---

[1] Кролики умеют считать только до четырех. Все, что больше четырех, – храйр, т. е. много, или Тысяча. Так, словом «У-храйр» (Тысяча) они объединяют всех своих врагов, или элилей: лису, горностая, ласку, кошку, сову, человека и пр. Когда Пятик родился, наверное, крольчат было больше пяти, поэтому его имя Храйру означает «Маленькая тысяча», т. е. малыш из числа многих, или «коротышка», «пятик» (так кролики называют и поросят). *(Примеч. автора.)*

[2] Почти в каждом кроличьем городке есть аусла – группа, куда попадают сильные, умные кролики, не моложе двух лет, которые входят в свиту старшины и его супруги и управляют остальными. Ауслы бывают разные. В одних поселениях – это военный штаб; в других – в нее входят в основном опытные стражи и специалисты по садовым налетам. Иногда в ауслу попадают хорошие рассказчики, предсказатели или просто очень чувствительные личности. В Сэндлфордском городке аусла в те времена была скорее военизированной (но, как станет ясно позднее, не самой воинственной). *(Примеч. автора.)*

– Что это, Пятик? Смотри!

Всего в нескольких шагах от них площадка была разворочена. На траве высились две земляные кучи. Над изгородью возвышались, словно священные деревья, два столба с прибитой доской, от которых несло краской и креозотом и тянулась длинная тень. Рядом с одним столбом валялись забытый молоток и несколько гвоздей.

Высоко подпрыгивая, кролики подскакали к столбам и спрятались в кустах крапивы, морщась от запаха брошенного неподалеку сигаретного окурка. Вдруг Пятик испуганно задрожал.

– Орех! Это шло отсюда! Я понял… это что-то очень плохое! Что-то ужасное… и совсем близко. – Он захныкал от страха.

– Что? Что ты имеешь в виду? Ты, кажется, говорил, что тут все в порядке.

– Я не знаю что, – ответил Пятик с несчастным видом. – Тут-то спокойно. Но опасность… Она исходит отсюда… Да, отсюда. Орех! Посмотри! Все поле в крови!

– Не валяй дурака, Пятик, это просто отсветы заката. И хватит, перестань, мне и так уже страшно!

Пятик в крапиве дрожал и плакал, а Орех, пытаясь привести в чувство брата, никак не мог взять в толк, в чем дело. Если бы страшное было на этом берегу, то почему Пятик, как всякий благоразумный кролик, не спешит удрать в безопасное место? Но тот ничего не мог объяснить, а лишь становился несчастней и несчастней. Наконец Орех сказал:

– Пятик, ну не сидеть же тут и плакать. В конце концов, скоро стемнеет. Пора домой.

– Домой? – прохныкал Пятик. – И не думай, там еще хуже! Говорю же тебе, все поле в крови…

– Ну хватит, – твердо сказал Орех. – Теперь решать буду я. Беда бедой, а пора возвращаться.

И он помчался вниз, через ручей, к коровьему броду. Беспомощный Пятик, так и не сумевший объяснить брату, чего он испугался посреди спокойного летнего вечера, скованный страхом, не сразу бросился догонять Ореха. Дома, куда он все же вернулся вслед за братом, не хотел входить в нору, и Ореху пришлось втолкнуть его чуть ли не силой.

За вершиной противоположного склона село солнце. Подул холодный ветер, посыпался дождь, и меньше чем через час окончательно стемнело.

Все краски в небе погасли, а большая доска у ворот слегка поскрипывала от ночного ветра (будто бы говоря, что она не растаяла в потемках, а крепко держится там, куда ее приколотили), хотя некому было прочесть четкие буквы, врезавшиеся в белую древесину, как черные ножи. Буквы гласили:

ИДЕАЛЬНЫЙ УЧАСТОК ДЛЯ ПОМЕСТЬЯ.
ШЕСТЬ АКРОВ.
ВЕЛИКОЛЕПНАЯ СТРОИТЕЛЬНАЯ ПЛОЩАДКА.
РАЗРАБОТКА ПРОЕКТА ЖИЛЫХ ЗДАНИЙ ЭКСТРА-КЛАССА.
ФИРМА «САТЧ И МАРТИН, ЛИМИТЕД», НЬЮБЕРИ, БЕРКШ.

2. Старшина

Правитель мрачный, чей удел тяжел,
Как сырость ночи, павшая на дол,
Скорее полз, чем шел…
Г. Воэн. Вселенная. Перевод Д. Щедровицкого

В тепле и темноте Орех неожиданно проснулся оттого, что пинал кого-то задними лапами. Кто-то на него наседал. Не пахло ни хорьком, ни лаской. Инстинкт не подсказывал бежать. Орех быстро пришел в себя и тут сообразил, что в норе их только двое – он да Пятик. И это именно Пятик, царапаясь и цепляясь, в страхе пытается перелезть через него, будто через ограду.

– Пятик! Пятик, да проснись ты, балбес! Это же я, Орех. Ты меня исцарапаешь. Проснись!

Орех стряхнул с себя Пятика. Тот забил в воздухе лапами и проснулся.

– Ох, Орех! Ой, что мне приснилось! Кошмар! Ты тоже приснился. Мы сидели в воде или на воде и плыли вниз по большой глубокой реке, а потом я сообразил, что мы плывем на доске, такой, как та, что видели в поле, только белой с черными полосками. Плыли мы не одни, и все прыгали и веселились. А затем я посмотрел под ноги и увидел, что доска эта из костей, обвязанных проволокой, и закричал, а ты сказал: «Поплыли! Поплыли все!» – а потом я искал тебя и хотел вытащить из какой-то дыры, а ты заявил: «Идет один старшина» – и уплыл в темный водяной тоннель.

– Бок, во всяком случае, ты мне расцарапал. «Водяной тоннель» – надо же! Чушь какая! Может, все-таки дашь мне поспать?

– Орех, беда! Дело дрянь. «Это» не ушло. Оно где-то здесь… рядом. И не уговаривай меня. Надо уходить, пока не поздно.

– Уходить? Ты хочешь сказать: уходить отсюда? Из нашего городка?

– Да. И побыстрее. Не важно куда.

– Вдвоем?

– Нет, нам всем.

– Всем? Не валяй дурака. Никто и с места не двинется. Решат, что ты просто спятил.

– Пусть решат, но мы должны пойти к старшине, можешь сам ему все рассказать. Или я. Вряд ли, конечно, он будет в восторге.

Орех первым побежал вниз по склону, потом снова вверх, туда, где темнел куманичный полог. Верить Пятику он не хотел, а не верить боялся.

Было чуть позже ни-Фрита, то есть полудня. Почти все кролики спрятались в норах и спали. Пробежав немного поверху, Орех и Пятик нырнули в широкий открытый ход, прорытый под песчаной проплешиной, выскочили с другой стороны и дальше помчались замысловатыми петлями, пока не углубились в лес футов на тридцать и не оказались меж дубовых корней. Там их остановил крупный, грузный гвардеец из ауслы. Шерсть у него смешно нависала над глазами, что придавало ему забавный вид, будто он был в шлеме. За это его и прозвали Тлайли, что означает Мохнатая Шапка, или, как еще можно сказать, Шишак.

– Орех? – произнес Шишак, принюхиваясь к нему в глубоких сумерках, стоявших под деревьями. – Тебя ведь зовут Орех, да? Что тебе здесь понадобилось? Да еще в такое время? – На Пятика, который ждал в стороне, он внимания не обратил.

– Нам нужно увидеть старшину, – заявил Орех. – Дело важное. Помоги, пожалуйста.

– «Нам»? – удивился Шишак. – *Он* что, тоже идет к старшине?

– Так надо. Поверь, Шишак. Я ведь не каждый же день прихожу сюда вот так «поболтать». Разве я когда-нибудь спрашивал разрешения увидеться с ним?

– Что ж, сделаю это для тебя, хотя наверняка получу по макушке. Скажу, что ты научился предсказывать. Он, конечно, и сам тебя знает, да вдруг по старости запамятовал. Подожди тут, понятно?

Шишак пробежал вперед по тропинке и остановился у входа в большую нору. Он что-то сказал – что именно, Орех не расслышал, – а потом его, наверное, позвали внутрь. Два брата остались ждать в тишине, которую нарушало лишь нервное ерзанье Пятика.

Старшину, согласно обычаю, звали Треарах, что означает Господин Рябинового Дерева. По какой-то причине иногда его называли еще и Тот Самый Треарах, может быть, потому – так уж вышло, – что рядом с городком рос только один треар – рябиновое дерево. Старшиной Треарах стал еще в молодости. Он и в те времена был не только силен, но и рассудителен, тверд и уравновешен, чем очень отличался от большинства кроликов, которые частенько действуют по настроению. Все прекрасно знали, что Треарах никогда не теряет головы и его не пугают ни слухи, ни настоящая опасность. Он хладнокровно – а злые языки поговаривали даже, что «холодно», – вел себя во время обрушившегося на городок миксоматоза, выдворив из городка каждого, кого посчитал больным. Тогда Треарах избежал всеобщего переселения, обеспечив полную изоляцию племени, и таким образом почти наверняка его спас. Именно Треарах справился однажды с одним необыкновенно назойливым горностаем, которого с риском для жизни увел к птичнику, где его и пристрелил фермер. Теперь Треарах, как и сказал гвардеец, постарел, но ум у него оставался достаточно ясным. Когда Ореха и Пятика впустили внутрь, старшина встретил их вежливо. Это гвардейцы из ауслы, вроде Ленка, могли нагрубить или испугать. А Тот Самый Треарах умел обходиться и без этого.

– А-а, Фундук. Ты ведь Фундук, верно?

– Орех, – ответил Орех.

– Орех, да-да, конечно. Орех. Как это мило с твоей стороны зайти в гости к старику. Я хорошо знал твою мать. А твой приятель…

– Это мой брат.

– Твой брат… – повторил за ним Треарах, и Орех услышал в голосе легкое предупреждение: «Не нужно больше меня исправлять, понял?» – Располагайтесь поудобнее. Не хотите ли немного салата?

Салат для старшины ребята из ауслы таскали с огорода, который был за полем, в полумиле от их городка. Задворники салат видели редко, кое-кто и вовсе никогда. Орех взял маленький листик и вежливо куснул, а Пятик отказался и сел с несчастным видом, хлопая ушами и глазами.

– Вот теперь можно и поговорить. Как ваши дела? – спросил старшина. – Чем могу быть полезен?

– Сэр, – довольно неуверенно начал Орех, – это все мой брат Пятик. Он всегда чувствует, если что-то неладно, и каждый раз оказывается прав. Вот, например, прошлой осенью он заранее знал, что нас затопит, а иногда заранее знает, где проволока. А сейчас он говорит, что нас ждет большая беда. Нас всех, весь городок.

– Большая беда? Что ж, понятно. Какая жалость, – произнес Треарах, но вид у него при этом был нисколько не огорченный. – А что за беда, интересно знать? – Он посмотрел на Пятика.

– Не знаю, – ответил Пятик. – О-очень большая беда. Т-так-кая б-большая! – Он замолчал, вконец потерявшись.

Треарах несколько минут вежливо подождал, а потом спросил:

– Ну и что же нам делать, хотел бы я знать?

– Уходить, – твердо сказал Пятик. – Уходить. Всем. Немедленно. Сэр Треарах, мы должны уйти. Все.

Треарах помолчал. А потом, обращаясь к Пятику, произнес на редкость проникновенным голосом:

– Мне никогда не приходилось переселять все племя. Это непростая задача. Как сам-то думаешь?

– Сэр, – начал Орех, – дело в том, что мой брат не умеет объяснять свои чувства. Он просто чувствует, и всё. Может быть, я непонятно говорю. Но вы наверняка разберетесь, что нам делать.

– Что ж, очень мило с твоей стороны. Надеюсь, так оно и есть. А теперь, дорогие мои, давайте минуточку порассуждаем вместе. Согласны? Сейчас у нас май. Так? Все заняты рытьем нор, все наслаждаются жизнью. Вокруг, на целые мили во все стороны, нет врагов, по крайней мере, насколько известно мне. Все здоровы, погода хорошая. И вы хотите, чтобы я сказал всему племени, что этот юный… э-э… юный… э-э… что у твоего юного брата предчувствие и что все мы должны сорваться с места и бежать куда-то – бог знает куда, – рискуя навлечь на себя всевозможные бедствия? Как вы думаете, что мне на это скажут? Все ведь обрадуются? Правда?

– Вам они не посмеют перечить, – неожиданно заявил Пятик.

– Очень любезно с твоей стороны, – снова сказал Треарах. – Что ж, может, не посмеют, а может, и посмеют. В любом случае мне нужно все как следует обдумать. Это, безусловно, чрезвычайно серьезный шаг. И кроме того…

– Но, сэр Треарах, у нас нет времени, – пробормотал Пятик. – Я чувствую опасность. Она как проволока на шее… как проволока… Орех! – пронзительно вскрикнул он, упал на песок и забился, словно в силках.

Орех прижал его к полу передними лапами, и Пятик затих.

– Прошу прощения, старшина, – сказал Орех. – Иногда с ним такое случается. Через минуту он будет в порядке.

– Какой стыд! Какой стыд! Бедняга, ему, наверное, лучше пойти домой да привести себя в порядок. Вот именно. Отведи-ка его домой немедленно. Что ж, чрезвычайно любезно с твоей стороны, Фундук, зайти в гости. Очень тронут. Я обдумаю твои слова, будь уверен. Шишак, ты не мог бы задержаться на минутку?

Расстроенные Пятик с Орехом бежали по тропинке назад, а из норы доносился набравший теперь резкость голос Трeараха и отрывистые «да, сэр» и «нет, сэр».

«Предчувствие» Шишака оправдалось – он получил по макушке.

3. Орех принимает решение

Чего это я разлегся?.. Мы спим, как будто позволительно предаваться покою… А я?.. Неужели я сам не достиг еще подходящего возраста?
Ксенофонт. Анабасис. Перевод М. И. Максимовой

– Дело в том, Орех, что ты сам не верил, будто старшина нас послушает. Ведь не верил? Чего же ты тогда от него хотел?

Снова наступил вечер, и Орех с Пятиком и еще два их приятеля щипали траву в лесу. Черничка, кролик с черными пятнышками на кончиках ушей, тот самый, которого накануне испугал Пятик, внимательно выслушал рассказ Ореха о доске на столбах и сказал, что, по его мнению, люди оставляют такие штуки – вроде знаков или посланий – так же, как кролики, когда нужно отметить тропинку или дырку в ограде. Второго кролика звали Одуванчик, и это он завел разговор о Треарахе и страхах Пятика.

– Да не знаю я, на что надеялся, – сказал Орех. – Я никогда раньше даже близко к нему не подходил. Но тут я подумал: «Пусть. Пусть он вообще не захочет нас выслушать, но, по крайней мере, никто потом не сможет сказать, будто мы не сделали все, что в наших силах, и никого не предупредили».

– Тогда, значит, ты и в самом деле думаешь, что нам надо чего-то опасаться?

– Уверен. Я, видишь ли, хорошо знаю Пятика.

Черничка открыл было рот, чтобы ответить, но тут из густого подлеска выскочил еще один кролик и с шумом свалился в яму под куманикой. Это был Шишак.

– Привет, Шишак, – поздоровался Орех. – Сдал дежурство?

– Сдал, – ответил Шишак, – и, похоже, навсегда.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Ушел я из ауслы, вот что.

– Не из-за нас ли?

– Может, и из-за вас. Треарах, если его будят после ни-Фрита, может очень даже выйти из себя, особенно когда думает, что разбудили из-за пустяка. И он отлично знает, кого и как задеть за живое. Я знаю немало кроликов, кто жил бы себе спокойненько да думал, как не потерять места «правой лапы» старшины, но, боюсь, для меня это слишком большая честь. И я сказал себе: «Мне наплевать на привилегии ауслы, настоящий кролик сам сумеет добыть себе все, что нужно для жизни». Треарах сказал, чтобы я сначала подумал, а я думаю, с меня хватит, я ухожу. Никогда не считал, что таскать салат да стоять возле его норы на карауле – цель всей моей жизни. Так что настроение, я бы сказал, у меня прекрасное.

– Скоро здесь никто не будет таскать салат, – спокойно произнес Пятик.

– А-а, это ты, Пятик? – Шишак впервые обратил на него внимание. – Вот и отлично. Я как раз шел на тебя посмотреть. Я все размышлял о том, что ты сказал. Слушай, а ты, часом, не решил всех нас разыграть, чтобы прославиться? Или ты серьезно?

– Я серьезно, – ответил Пятик. – Хотел бы я, чтобы это оказалось шуткой.

– Значит, вы уходите?

Прямота Шишака ошеломила всех. Одуванчик пробормотал:

– Уходим? О Фритрах!

А Черничка шевельнул ушами и очень внимательно посмотрел сначала на Шишака, потом на Ореха.

– Мы с Пятиком уходим сегодня ночью, – подумав, сообщил Орех. – Не знаю точно куда, но если кто хочет, может к нам присоединиться.

– Отлично, – отозвался Шишак, – тогда я с вами.

Меньше всего Орех рассчитывал на столь серьезную поддержку. В голове у него мелькнула мысль, что хотя Шишак пригодится, конечно, в трудную минуту, но ладить с ним нелегко. И уж точно, старый гвардеец не будет за просто так выполнять то, что ему скажет – хоть и не прикажет – какой-то задворник. «Да какое мне дело, гвардеец он или нет, – подумал Орех. – Если мы уйдем вместе, я никому не позволю своевольничать. А может, и идти не стоит?» Но вслух сказал только:

– Отлично. Мы тебе рады.

Он оглядел остальных. Те не сводили глаз с него и Шишака. Первым нарушил молчание Черничка:

– Наверное, я тоже пойду. Я еще не совсем понял, из-за тебя это, Пятик, или нет. Но так или иначе, нас в городке стало слишком много, и тем, кто не в аусле, приятного в этом мало. Смешно! Ты боишься оставаться, а я боюсь идти. Ли́сы здесь, ласки там, а посредине Пятик… и ни минуты покоя!

Черничка сорвал привядший листок и принялся медленно жевать, изо всех сил пытаясь скрыть охватившую его тревогу, потому что весь прошлый опыт говорил об опасностях, подстерегающих кроликов в неизведанных землях за пределами городка.

– Если мы Пятику верим, – начал Орех, – значит считаем, что уходить надо всем. Так что с этой минуты и до отхода каждый должен уговорить как можно больше наших.

– Думаю, я побеседую кое с кем из ауслы, – отозвался Шишак. – Если удастся кого-нибудь убедить, вечером приведу с собой. Но за Пятиком никто не пойдет. Никто не захочет потерять звание гвардейца из-за задворника, да и я не захотел бы. Чтобы ему поверить, надо услышать его собственными ушами. Как я. Я-то понимаю, что ему было что-то вроде послания, и я этим штукам верю. Не понимаю, почему не поверил Треарах.

– Потому что Треарах не любит, когда что-нибудь приходит в голову не ему, – ответил Орех. – А второй раз к нему не пойдешь. Попытаемся собрать как можно больше кроликов и встретимся, когда наступит фа-Инле́. Тогда же и тронемся. Времени в обрез. Беда – какой бы она ни была – всё ближе с каждой минутой. И вот что, Шишак: Трeараху вряд ли понравятся разговоры с гвардейцами. Капитану Падубу, думаю, тоже. Они, конечно, не станут возражать, если задворники вроде нас уберутся отсюда подальше, но тебя они вряд ли захотят потерять. На твоем месте я хорошенько подумал бы, с кем там говорить.

4. Уход

Кипя отвагой, младший Фортинбрас
Набрал себе с норвежских побережий
Ватагу беззаконных удальцов
За корм и харч для некоего дела,
Где нужен зуб…
У. Шекспир. Гамлет, принц Датский. Перевод М. Лозинского

Фа-Инле на языке кроликов означает «после восхода луны». Кролики, конечно, понятия не имеют ни о точном времени, ни вообще о точности. В этом отношении они очень похожи на первобытных людей, которым, чтобы только собраться, требовалось несколько дней, а потом еще несколько дней, чтобы приступить к делу, ради которого они собрались. В те времена людям, чтобы действовать сообща, нужно было некое чувство наподобие телепатии – телепатическая волна словно захватывала их и несла к назначенной минуте. Те, кому доводилось видеть в сентябре ласточек и стрижей – как они собираются на телеграфных проводах, щебечут, как описывают круги, то в одиночку, то небольшими группками, над голыми, убранными полями, возвращаются, чтобы сделать потом круг побольше, потом еще и еще, над пожелтевшими изгородями вдоль улочек, – все эти сотни разрозненных птичек, которые, мельтеша, со все возрастающим нетерпением собираются в стаи, не соблюдая никакого порядка, сливаются в одну огромную шевелящуюся массу, плотную посередине, редкую по краям, и эта масса постоянно меняется, перестраивается, как тучи или волны, и так до тех пор, пока все (но отнюдь не каждый) не почувствуют, что пора, и тогда они снимутся с места и начнется еще один гигантский перелет на юг – перелет, который переживут не все; те, кому приходилось наблюдать, как поднимается эта волна, захватывающая всех, кто в первую очередь осознает себя лишь частью целого и только потом – во вторую очередь – личностью; те, кому приходилось наблюдать, как эта волна поднимает, захватывает всех, не нуждаясь ни в сознательной мысли, ни в сознательной воле, могут сказать, что видели деяние ангела, который погнал в Антиохию первых крестоносцев и гонит в море леммингов.

После восхода луны прошло не меньше часа, но оставалось еще довольно много времени до полуночи, когда Пятик с Орехом снова выбрались из норы под кустами куманики и поскакали тихонько по дну канавы. С ними бежал еще один приятель Пятика – Хлао, или Плошка. («Хлао» на кроличьем языке означает любое углубление, где может скапливаться влага, например чашечка в листьях одуванчика или чертополоха.) Плошка тоже был маленький, невероятно робкий, и большую часть своего последнего вечера в городке Орех с Пятиком потратили, уговаривая его отправиться с ними в поход. Плошка согласился неохотно. Он страшно боялся опасностей, поджидавших их за пределами городка, но потом решил, что главное – держаться поближе к Ореху и точно выполнять все его команды, а там, глядишь, и будет что-нибудь хорошее.

Не успели беглецы выбраться из канавы, как Орех уловил наверху какое-то движение. Он быстро выглянул.

– Кто здесь? – крикнул он. – Одуванчик?

– Нет, это я, Дубок, – ответил кролик, глядя на них сверху вниз, и спрыгнул, тяжело опустившись на лапы. – Ты меня забыл, Орех? В прошлом году мы с тобой жили в одной норе во время первого снега. Одуванчик сказал, вы сегодня уходите. Если это правда, возьмите и меня.

Орех сразу вспомнил Дубка, медлительного тугодума, и те пять дней, проведенные под землей, когда снегом замело норы, показались ему ужасно тоскливыми. «Но, – подумал он, – нечего воротить носом да выбирать. Даже если Шишак и сумеет уговорить парочку гвардейцев,

все равно аусла за нами не пойдет. Согласятся только задворники, которым терять нечего». Орех перебирал в памяти знакомые лица, и тут появился Одуванчик.

– По-моему, чем скорее мы двинемся, тем лучше, – заявил он. – Не очень мне все это нравится. Едва я успел уговорить Дубка и собирался подойти еще кое к кому, как увидел, что за мной по тропинке бежит Ленок. «Ну-ка, говори, что тебе тут надо», – сказал он, а когда я объяснил, что просто пытаюсь выяснить, не хочет ли кто пойти с нами, он, по-моему, не поверил. Он хотел точно знать, не пытаюсь ли я устроить какой-нибудь заговор против Треараха, а мой ответ только его рассердил. По правде говоря, я так испугался, что уговорил одного Дубка, и на этом все.

– Я тебя не виню, – сказал Орех. – Даже странно, не похоже на Ленка. Обычно он сначала ударит, а потом приступает к расспросам. И все-таки подождем немного. Вот-вот подойдет Черничка.

Время шло. Кролики, съежившись, ждали молча, лунные тени ползли по траве к северу. Наконец, когда Орех уже хотел сам бежать вниз к жилищу Чернички, он увидел, что тот вышел из норы, а за ним следом идут еще трое. Первого, Алтейку, Орех хорошо знал. И обрадовался ему, потому что это был крепкий, выносливый кролик, и все считали, что, как только он наберет взрослый вес, его сразу же примут в ауслу.

«Что ж, ему, видно, не терпится, – подумал Орех, – или старшие потрепали, а он и обиделся. Впрочем, нам это только на руку. С ним да с Шишаком, по крайней мере, не страшно ввязаться в драку».

Двоих других спутников Орех не знал. Когда Черничка представил ему кроликов, их имена – Плющик и Желудь – ничего Ореху не сказали. Но он и не удивился, потому что это были обыкновенные задворники, тощие полугодки, по недоверчивому и напряженному взгляду которых было сразу видно, что кто-кто, а они знают только тонкий конец розги. Новички с любопытством смотрели на Пятика. По рассказам Чернички они решили, будто Пятик только и делает, что в поэтическом вдохновении предсказывает судьбу. А на вид он оказался поспокойней и понормальней других, потому что был уверен в походе.

Время едва ползло. Черничка выбрался наверх в заросли папоротника, потом вернулся к краю канавы, нервно подрагивая, пугаясь собственной тени. Орех с Пятиком сидели в канаве и лениво пощипывали темную траву. Наконец Орех услышал то, чего дожидался: от леса в их сторону мчался кролик или даже, может быть, двое.

Не прошло и минуты, как Шишак уже спрыгнул в канаву. А следом за ним – здоровенный проворный парень, которому только-только исполнился год. Его хорошо знал весь городок, потому что шерсть у него была светло-серая с белесыми пятнами, на которых теперь, когда он, молча почесываясь, уселся рядом с товарищем, заиграл лунный свет. Его звали Серебряный, он был племянником Треараха и уже месяц как служил в аусле.

Орех невольно почувствовал облегчение оттого, что Шишак привел только Серебряного, спокойного, прямодушного, еще не освоившегося в гвардии. Когда Шишак сказал, что, может быть, приведет гвардейцев, Орех занервничал. Опасности, подстерегающие кроликов за пределами городка, существовали пока лишь в воображении, и Орех не думал, что настанет час, когда понадобятся хорошие бойцы. Хотя, если Пятик прав и на городок надвигается неминуемая беда, тогда, конечно, нужно радоваться любому, кто решит уйти с ними. С другой стороны, незачем лезть из шкуры вон, чтобы связываться с кем-нибудь вроде Ленка.

«Когда мы найдем новое место, – размышлял Орех, – там должно быть хорошо всем, и Пятику, и Плошке, и я не допущу, чтобы кто-нибудь садился им на шею и вообще вертел как хотел, по крайней мере до тех пор, пока они не научатся удирать от элилей, чтобы у них была возможность хотя бы сбежать от обидчика. Но захочет ли этого Шишак?»

– Ты ведь знаком с Серебряным? – прервал вопросом его размышления Шишак. – Видишь ли, молодежь устроила ему в аусле сладкую жизнь. Дразнят за цвет шкуры и все уши,

знаешь ли, прожужжали, будто бы он получил разрешение служить в гвардии только благодаря Треараху. Сначала я, правда, хотел поговорить не только с ним, но потом решил, что другим и здесь неплохо. – Шишак посмотрел на Ореха. – А ведь нас тут не слишком много, а? Может, плюнем на всю эту затею?

Серебряный хотел что-то сказать, но в густых зарослях наверху послышался топот, и из лесу к краю канавы подбежали еще три кролика. Двигались они уверенно и открыто, ничего не боясь и не прячась, совсем не так, как собравшиеся в канаве. Самый рослый бежал впереди, а двое других двигались за ним, как в строю. Орех, смекнув, что эти бегут сюда не затем, чтобы к ним присоединиться, напрягся и выпрямился. Пятик шепнул ему на ухо:

– Орех, они пришли, чтобы… – Но тотчас замолк.

Шишак развернулся и задвигал носом, не сводя глаз с пришедших. Все трое направились прямо к нему.

– Ты Тлайли? – спросил главный.

– Ты прекрасно знаешь, кто я, – откликнулся Шишак, – да и я тебя знаю, Падуб. Что тебе нужно?

– Ты арестован.

– Арестован? С какой стати? За что?

– За попытку раскола ауслы и за подстрекательство к мятежу. Ты, Серебряный, тоже арестован. Ты не доложил Ленку о беглецах и самовольно покинул пост. Оба за мной!

Шишак бросился на капитана, царапая его и пиная. Падуб не остался в долгу. Оба его спутника подступили к ним, примериваясь, как лучше вступить в драку, чтобы свалить Шишака. Неожиданно сверху, с края канавы, вниз головой в свалку ринулся Алтейка, с лету ударом задних лап опрокинул одного гвардейца и тотчас сцепился с другим. Через секунду за ним прыгнул Одуванчик и приземлился точно на кролика, которого сбил Алтейка. Оба гвардейца выкарабкались из канавы, минутку поозирались и припустили назад к лесу. Падуб попытался освободиться от Шишака, отпихиваясь всеми четырьмя лапами и рыча, как рычат все сердитые кролики. Он хотел что-то сказать, но тут перед ним встал Орех.

– Уходи, – велел Орех спокойно и твердо, – или мы убьем тебя.

– Ты понимаешь, что говоришь? – поинтересовался Падуб. – Я капитан ауслы. И ты это знаешь.

– Уходи, – повторил Орех, – если не хочешь, чтобы тебя убили.

– Это тебя убьют, – ответил Падуб.

Не говоря больше ни слова, он вспрыгнул на край канавы и исчез в лесу.

У Одуванчика на плече была кровь. Пару минут он зализывал рану, а потом повернулся к Ореху.

– Орех, ты же знаешь, они скоро вернутся, – сказал он. – Они приведут всю ауслу, и тогда мы влипли.

– Пора уходить, немедленно, – произнес Пятик.

– Да, самое время, – отозвался Орех. – Пошли вниз, к ручью. А потом по берегу, легче будет держаться вместе.

– Если ты послушаешь моего совета… – начал Шишак.

– Если мы задержимся здесь хоть немного, то мне уже ничьи советы не понадобятся, – огрызнулся Орех.

Пристроившись впереди Пятика, Орех выбрался из канавы и повел свой отряд вниз по склону. Не прошло и минуты, как маленькая компания исчезла из виду.

5. В лесу

Молодым кроликам… если они хотят выжить, приходится все время двигаться. На воле дикие кролики иногда пробегают целые мили… в поисках подходящего места.
Р. М. Локли. Частная жизнь кролика

Луна уже клонилась к западу, когда беглецы добрались до конца поля и там вошли в лес. По полю они, держась ручья, пробежали не меньше полумили, то отставая, то нагоняя друг друга и стараясь не теряться. Орех понимал, что отошли они от городка дальше любого кролика, но пока не чувствовал, что они в безопасности, и потому, в очередной раз услышав шорох, решил, что это погоня, но тут он заметил там, куда поворачивал ручей, темную массу деревьев.

Кролики не любят густого леса, так как земля там сырая, почти нет травы, мало солнца, а в подлеске часто прячется враг. Но Орех не испугался леса. «Зато, – подумал он, – Падуб дважды подумает, прежде чем продолжать преследование в лесу. А бежать по берегу, может быть, даже безопасней, чем по полю, где можно попасться на глаза врагу, можно заблудиться и выйти назад к городку». И, не посоветовавшись с Шишаком, он решил войти в лес, надеясь, что остальные пойдут за ним.

«Если мы не наткнемся на неприятности, если ручей выведет нас из леса, – размышлял Орех, – тогда мы уж точно избавимся от ауслы, и можно будет отдохнуть. Нам-то, сильным, все нипочем, а вот Пятик и Плошка едва живы».

Как только они вошли в лес, их окружили звуки и запахи. Пахло мхом и сырыми листьями, слышались шум и плеск воды. Дальше в лесу была устроена заводь, куда маленьким водопадом вливался ручей, и шум этот отдавался эхом среди густых крон, будто в пещере. Над головой шелестели в ветвях сонные птицы, ночной ветерок теребил листву, на земле валялись сломанные мертвые ветки. Вдалеке раздавались непонятные и зловещие звуки, словно там кто-то ходил.

Кролики боятся всего незнакомого. А встретившись с ним, пугаются и удирают. Вот и наши приятели перепугались чуть не до потери сознания. Но куда им было удирать в чужом лесу, если они не знали даже, что все эти звуки значат?

Маленькая компания сбилась в кучку да так и двигалась вперед, стараясь не рассыпаться. Вскоре беглецы потеряли из виду ручей и заскакали дальше по залитым лунным светом полянкам, то и дело замирая, вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Луна опустилась еще ниже, и косые лучи, пробиваясь между деревьями, казались им желтей и ярче, чем в поле.

Остановившись под падубом, на высокой куче опавших листьев, Орех посмотрел на узкую тропинку, где по обе стороны темнели папоротник и молодой кипрей. Легкий ветерок едва теребил листья папоротников, а тропинка была на редкость чистой, только под дубом темнела россыпь старых, прошлогодних желудей. Что там дальше, за его темными листьями? Что за поворотом? Что будет с кроликом, который все же выйдет из укрытия и побежит по тропинке? Орех повернулся к Одуванчику, который сидел у него за спиной.

– Подожди лучше здесь, – сказал он. – Я добегу до поворота и, если все в порядке, топну. А если со мной что-нибудь случится, ты поведешь остальных.

Не дожидаясь ответа, Орех выбежал на открытую тропинку. И через несколько секунд уже был под дубом. Он немного подождал, осмотрелся и поскакал к повороту. И в меркнущих лучах лунного света увидел, что тропинка, уходившая в глубокую тень небольшой рощицы, и дальше была такой же пустынной. Орех топнул, и через несколько секунд Одуванчик уже

сидел в папоротниках рядом с ним. Несмотря на тревогу и страх, Орех решил, что Одуванчик неплохо бегает: все это расстояние он проскочил единым духом.

– Отлично придумал, – шепнул Одуванчик. – Хочешь взять все на себя, как Эль-Ахрайрах?[3]

Орех метнул в его сторону быстрый признательный взгляд. Теплая похвала Одуванчика приободрила его. Имя Элиль-Хрaйр-Раха – Принца-у-Которого-Тысяча-Врагов – значит для кроликов то же, что имя Робин Гуда для англичан или Джона Генри для американских негров. Дядюшка Римус был, должно быть, немало наслышан о подвигах ушастого героя, ибо кое-что из его приключений описал в своих сказках о Братце Кролике. А судя по тому, что некоторые из проделок Эль-Ахрайраха повторил Одиссей, можно судить и о древности этих легенд, и об остроумии принца, который всегда умел найти выход из положения и обвести врага вокруг пальца. Рассказывают, однажды, чтобы вернуться домой, ему пришлось переплыть реку, где жила огромная, вечно голодная щука. Эль-Ахрайрах вычесал, сколько мог, своей шерсти, облепил ею глиняную болванку и столкнул болванку в воду. Щука накинулась на нее, разок куснула и с отвращением выплюнула. Скоро болванку прибило к берегу, и Эль-Ахрайрах вытащил ее из воды, подождал немного и снова бросил в реку. Через час щуке надоело кусать глину, и Эль-Ахрайрах, проделав свой фокус пять раз, сам наконец прыгнул в воду, переплыл реку и вернулся домой целым и невредимым. А сегодня кое-кто из кроликов верит, что принц повелевает погодой и посылает ветер, росу и туман, помогая им удирать от врагов.

– Орех, пора сделать привал, – сказал Шишак, пробираясь меж скорчившихся, запыхавшихся кроликов. – Знаю, место плохое, но Пятик и этот полумерок, которого ты привел, вконец выбились из сил. Если они не отдохнут, то не смогут идти дальше.

Все действительно устали. Как правило, кролики всю жизнь живут на одном месте и за один раз пробегают не больше сотни ярдов. Способные месяцами спать на голой земле, эти зверьки предпочитают не отходить далеко от норы или какого-нибудь другого убежища. От природы они знают два способа передвижения: неспешный скок, каким они вечерами передвигаются возле нор, да молниеносный бросок, каким несутся в укрытие, и это хоть пару раз в жизни доводилось видеть многим из нас. Но очень редко увидишь кроликов, которые бегут ровно и долго, они просто к этому не приспособлены. Правда, молодняк, бывает, переселяется на новое место, и тогда кролики пробегают сразу по нескольку миль, но к таким переходам они готовятся заранее.

Орех и его приятели оказались в незнакомом месте впервые в жизни. Они держались – или старались держаться – поближе друг к другу, и все равно временами кто-нибудь да отставал. Они пытались приноровиться к ровному бегу, а получалось ни то ни се, что-то среднее между бегом и прыгом. Никакая наука не дается без подготовки. К тому же в лесу всем им было очень страшно. Порой беглецы едва не впадали в тарн – состояние, когда перепуганный, измученный зверек, парализованный усталостью или страхом, способен только таращить стекленеющие глаза. Так смотрит кролик на приближающегося врага – ласку или человека, – готовясь расстаться с жизнью. Плошка, с опущенными ушами, сидел под папоротником и дрожал. Странно и неловко он держал на весу одну лапу, вылизывая ее со страдальческим видом. Пятик выглядел немногим лучше. Он устал, но все же храбрился. Глядя на них, Орех решил, что нельзя трогаться с места, пока эти двое не отдохнут и не наберутся сил на случай, если встретятся с элилем. Но если они остановятся, все голодные и замерзшие, то сразу вспомнят о своих страхах и, очень может быть, разбегутся или вернутся обратно. Тут ему в голову пришла идея.

– Ладно, отдохнем, – сказал Орех. – Полезли-ка в папоротники. И знаешь что, Одуванчик, давай-ка расскажи нам что-нибудь. Я знаю, ты на это мастер. Смотри, как Плошке не терпится послушать.

---

[3] Ударение в этом слове такое же, как во фразе: «Будет всегда». *(Примеч. автора.)*

Одуванчик взглянул на Плошку и понял причину просьбы. Подавив собственный страх перед пустынным лесом, где на голой земле не растет трава, страх перед совами, которые вылетают охотиться на рассвете и очень хорошо слышат, страх перед странным и неприятным запахом лесных животных, которые где-то совсем-совсем рядом, Одуванчик начал рассказ.

6. Сказка про то, как Фрит благословил Эль-Ахрайраха

Меня в обмане он винит —
Но нет за мной вины!
Пускай полюбит он во мне
Ту, что древней луны!
У. Б. Йейтс. Девушка и старуха. Перевод С. Степанова

– Давным-давно сотворил Фрит землю. Сотворил он еще и звезды, а земля наша тоже звезда. А чтобы сотворить их, он разбросал свой помет по всему небу, потому и растут теперь на земле такие большие деревья да такая густая трава. Сотворил Фрит ручьи и заставил их течь. И они текли за ним, пока он шел по небу, а когда спустился, кинулись искать его вниз. Фрит создал зверей и птиц, и сначала все были похожи друг на друга. Ласточка дружила с пустельгой – они вместе летали и вместе клевали зерна и мух. Лиса и кролик тоже были друзьями и вместе ели траву. У них было вдоволь травы и вдоволь мух, потому что мир лежал новый, и Фрит сиял над ним, яркий и теплый, целые дни напролет.

В те времена Эль-Ахрайрах жил среди прочих животных и было у него много жен. У него было так много жен, что не рассказать, а у жен – так много детей, что сам Эль-Ахрайрах не знал им счета, и все они ели траву, одуванчики, клевер, салат, а Эль-Ахрайрах был им отец.

Тут Шишак одобрительно фыркнул.

– Через некоторое время, – продолжал Одуванчик, – травы стало меньше, и кролики разбрелись по свету, поедая на своем пути все, что им приглянется.

И тогда Фрит сказал Эль-Ахрайраху: «Принц Кролик, если ты не сумеешь найти способ обуздать свой народ, я сам это сделаю. Помни об этом». Но Эль-Ахрайрах не внял словам Фрита и ответил: «Мой народ самый сильный на свете, потому что ест больше всех и плодится быстрее всех. А это значит, что он любит Творца своего, Фрита, больше, чем его любят другие, и больше других благодарит его за свет и тепло. Лучше бы тебе понять, о Господин, что таким народом нужно гордиться, а не мешать ему наслаждаться своей замечательной жизнью».

Фрит мог бы в ту же секунду испепелить Эль-Ахрайраха, но тот нужен был на земле для веселья, проказ и подвигов. Так что Фрит решил не наказывать принца, а подшутить над ним. Он велел всем птицам и всем животным собраться вместе и пообещал приготовить подарок каждому, так чтобы все они стали отличаться друг от друга. И все твари живые пришли к тому месту, куда велел Фрит. Но все пришли в разное время, а Фрит заранее знал, что так оно и будет. И когда пришел дрозд, Фрит подарил ему прекрасную песню, а когда пришел бык, дал быку рога и силу, чтобы никого не бояться. А потом по очереди пришли лиса, горностай и ласка. И он дал им хитрость, жестокость и жажду охоты и приказал убивать детей Эль-Ахрайраха и кормиться ими. Так что когда лиса, горностай и ласка ушли от Фрита, в них уже поселился голод и желание съесть мясо кролика.

А Эль-Ахрайрах все это время плясал, играл да хвастался, что получит от Фрита самый лучший подарок. Наконец и он решил предстать перед ним. Но по дороге успел остановиться и отдохнуть на мягком песчаном холме. А пока он отдыхал, над холмом пролетал черный Стриж, и Стриж крикнул ему: «Знай! Знай! Знай!» И с тех пор, как вам известно, все стрижи только это слово и могут сказать. А Эль-Ахрайрах окликнул Стрижа и спросил: «Что я должен знать?» – «А то, – ответил Стриж, – что не хотел бы я оказаться на твоем месте, Эль-Ахрайрах. Потому что Фрит дал лисе и ласке жестокое сердце и острые зубы, потому что он подарил кошкам бесшумные лапы и глаза, способные видеть ночью, и все они ушли от Фрита с желанием убить и съесть зверька в кроличьей шкурке». И Стриж исчез за холмом. В ту же минуту Эль-Ахрайрах

услышал голос Фрита: «Где ты, Эль-Ахрайрах? Все уже разобрали подарки и ушли, не пришел только Эль-Ахрайрах».

Тогда Эль-Ахрайрах понял, насколько Фрит умнее его, и испугался. Бедняга решил, что следом за Фритом идут ласка с лисой, сел на склоне холма и принялся рыть землю. Он рыл нору быстро-быстро, но успел вырыть совсем немного, когда на холме появился Фрит, один, без сопровождения. Фрит увидел задние ноги кролика и песок, летевший из норы, посмотрел на это и крикнул: «Друг мой, не встречал ли ты Эль-Ахрайраха, я ищу его, чтобы сделать ему подарок?» – «Нет, – ответил, не высовываясь, Эль-Ахрайрах, – не встречал. Он сейчас далеко, ему некогда бегать туда-сюда». Тогда Фрит сказал: «Тогда выйди ты, и я благословлю вместо него тебя». – «Не могу, – сказал Эль-Ахрайрах, – я занят. Скоро сюда придут ласка с лисой. Если тебе все равно, кого благословлять, благослови мои задние ноги, раз уж они все равно торчат».

Кролики слышали эту сказку и раньше: и зимними вечерами, когда по всем переходам кроличьих коридоров тянет холодным сквозняком, а на тропинках у нор лежит ледяная изморозь; и на летних закатах, в траве под пахнущим сладкой гнилью цветущим кустом бузины. Но Одуванчик рассказывал так хорошо, что даже Плошка, забыв про усталость и страх, задумался о несокрушимости кроличьего племени. Каждый представлял себя Эль-Ахрайрахом, который посмел нахально обманывать Фрита и все же остался цел.

– Тогда, – продолжил рассказ Одуванчик, – Фрит ощутил прилив самых теплых чувств к Эль-Ахрайраху, так как увидел его сметливость: даже зная, что Фрит ищет его, чтобы отдать лисе и ласке, все равно не перестал проказничать. И Фритт сказал: «Хорошо, я благословлю твои задние ноги, раз уж они торчат. Быть вам, задние ноги, сильными, быстрыми, резвыми, и не раз вы спасете жизнь своему хозяину. Да будет так!» И как только он это сказал, хвост у Эль-Ахрайраха стал белым и засиял, как звездочка в небе, а задние ноги вытянулись и стали такими сильными, что застучали по земле так, что жуки попадали с травинок. Эль-Ахрайрах выбрался из норы и быстрее ветра понесся прочь. А Фрит крикнул ему вслед: «Помни, Эль-Ахрайрах, я не позволю твоему народу овладеть миром. Теперь весь мир твой враг, а ты теперь – Принц-у-Которого-Тысяча-Врагов. Стоит любому из них тебя поймать – и ты погиб. Но сначала еще пусть побегают. Теперь ты умеешь рыть норы, у тебя чуткий слух и быстрые ноги, так что теперь ты Принц-Быстрые-Ножки! Будь ловким, сметливым, и не исчезнет твой род вовеки». И хотя Эль-Ахрайрах понял, что Фрит не шутит, они все же остались друзьями. И потом каждый вечер, окончив дневные труды, Фрит ложился, легко и спокойно, на красное облако, смотрел вниз и любовался тем, как Эль-Ахрайрах, и его дети, и дети его детей выходят из нор поиграть и полакомиться травкой, потому что остался им другом и пообещал, что род их никогда не исчезнет.

7. Лендри и река

Что же касается мужества, нравственного мужества, которое одно и остается, если беда застигла тебя врасплох, – он говорил, что встречал его крайне редко.
Наполеон Бонапарт. Перевод Э. Линецкой

Не успел Одуванчик закончить рассказ, как Желудь, который сидел с наветренной стороны, неожиданно вскинул голову, навострил уши, и ноздри его затрепетали. Странный, неприятный запах усилился, и через несколько мгновений беглецы услышали совсем близко тяжелую поступь. Неожиданно листья папоротника на другой стороне тропинки разошлись, и оттуда показалась вытянутая, похожая на собачью, голова с черно-белыми полосками – морда опущена, зубы скалятся, нос едва не касается земли. Потом приятели разглядели крупные мощные ноги, грязное черное туловище. Злые умные глазки неизвестного зверя уставились прямо на них. Зверь медленно повернул голову – сначала в одну сторону, потом в другую, – оглядел при сумеречном свете утра лесную тропинку и снова уставился на них свирепым и страшным взглядом. Он раскрыл пасть, и кролики увидали зубы, сверкавшие белизной, и белые же полоски на морде. Несколько долгих мгновений все неподвижно смотрели на это чудовище. Потом Шишак, стоявший к нему ближе других, повернулся и двинулся прочь.

– Это лендри, – шепнул он на ходу. – Иногда опасен, иногда – нет, но с ним лучше не связываться. Пошли отсюда.

Они побежали напрямик через папоротники и очень скоро увидели еще одну параллельную тропку. Шишак свернул на нее и помчался вперед. Одуванчик его быстро нагнал, и они тотчас исчезли из виду в зарослях падуба. Орех и вся остальная компания бежали за ними следом что было мочи; последним, хромая, бежал Плошка, которому было так страшно, что он почти не замечал боли в лапе.

Орех доскакал до деревьев на повороте и помчался было дальше, но внезапно остановился и сел на задние ноги. Прямо перед ним, на небольшом обрыве, Шишак и Одуванчик, вытянув шеи, глядели вниз, а там под ними шумел поток. На самом деле это был не поток, а маленькая речка Энборн, шириной футов двенадцать – пятнадцать и глубиной в это время года после весенних дождей фута два-три, но нашим друзьям она показалась такой огромной, такой широкой, что невозможно себе представить. Луна почти скрылась за горизонтом, но кролики все-таки разглядели мерцавшую в темноте воду, редкий орешник и куст ольхи на другом берегу. Где-то там, на ветках, раза три-четыре крикнула ржанка и умолкла.

Один за другим кролики выбегали на берег и садились, молча глядя на воду. От воды тянуло прохладой, стало зябко.

– Вот так сюрприз! – наконец произнес Шишак. – Ты ждал такого, когда потащил нас в лес, а, Орех?

Орех устало подумал, что сейчас от Шишака, кроме неприятностей, ждать нечего. Он, конечно, не трус, но, похоже, ведет себя прилично, только если ему точно сказать, что делать. Для него неизвестность хуже элиля, и тогда он злится. Вчера Шишак, слушая Пятика, рассердился на Трeараха и ушел из ауслы. Потом заколебался, не зная, стоит ли бросать обжитое место, но его сомнения решил капитан Падуб, появившись в самый ответственный момент. Теперь же, увидев перед собой новое препятствие, Шишак опять растерялся, и его растерянность вылилась в злость, так что нужно поднять в нем боевой дух, иначе не миновать неприятностей. Орех вспомнил Трeараха и его лукавство.

– Без тебя, Шишак, мы вообще пропали бы, – заявил Орех. – Что за зверь это был? Он кроликов ест?

– Лендри, – ответил Шишак. – Нам в аусле о них рассказывали. Они не так чтобы и опасны. Кролика на бегу поймать не могут, запах их слышно издалека. Но от них не знаешь, чего ждать. Говорят, иногда кролики живут у них почти под боком, и ничего. Все же лучше держаться от них подальше. То крольчонка утащат из норы, то нападут на раненых. В любом случае лендри – элиль, один из Тысячи. Лендри легко обнаружить по запаху, но я его слышал впервые.

– *Этот* лендри уже кого-то съел, – заметил Черничка, и его передернуло. – Я сам видел кровь на морде.

– Может, крысу или фазаненка. Повезло нам, что он сыт, иначе мог бы и погнаться. Ну что ж, ничего страшного не случилось, и то хорошо, – подытожил Шишак.

Тут, прихрамывая, на тропу выскочили Пятик и Плошка. Увидав реку, они тоже резко затормозили и вытаращили глаза.

– Как думаешь, Пятик, что будем делать? – спросил Орех.

Пятик посмотрел вниз на воду и пошевелил ушами.

– Надо переправляться, – сказал он. – Но я, по-моему, плыть не смогу. Я и так из сил выбился, а Плошка еще больше.

– Переправляться?! – воскликнул Шишак. – Переправляться?! Да кто же из нас переплывет реку? Зачем? В жизни не слышал подобного вздора!

Кролики, как и все дикие животные, когда надо, умеют плавать, а некоторые даже купаются просто так, ради удовольствия. Кролики, живущие на опушке леса, каждый день переплывают ручей, чтобы пробежаться в поле. Но большинство кроликов воду не любят, и уж, конечно, после тяжелой ночи переплыть такую речку, как Энборн, под силу не каждому.

– Не хочу я туда лезть, – сказал Плющик.

– А почему бы просто не пойти вдоль берега? – спросил Дубок.

Орех понимал, что раз Пятик сказал «надо переправляться», значит тут оставаться опасно. Только как втолковать это остальным? Пока он ломал голову, что бы такое сказать, ему неожиданно стало легче. Отчего? То ли возник новый запах, то ли звук? И тут Орех сообразил. Недалеко от них, за речкой, взлетел и защебетал жаворонок. Наступило утро. Вот и дрозд раскатисто, разгоняясь, попробовал первую трель, потом вторую и третью, а вслед за дроздом заворковал лесной голубь. Начинало светать, и беглецы увидели, что ручей огибает дальнюю оконечность леса. На другом берегу начинались луга.

8. Переправа

Но сотник… велел умеющим плавать первыми броситься и выйти на землю. Прочим же спасаться, кому на досках, а кому на чем-нибудь от корабля. И таким образом все спаслись на землю.
Деяния святых апостолов, гл. 27

Над водой возвышался песчаный обрыв высотой футов шесть, не меньше. Со своей кочки кролики видел поворот речки, которая бежала мимо и сворачивала влево. Наверное, в обрыве гнездились ласточки, потому что, едва рассвело, несколько птиц пронеслись над водой и исчезли в небе над лугами. Одна скоро вернулась, неся что-то в клюве, а когда она скрылась из виду, из-под обрыва послышался писк птенцов. Обрыв тянулся недалеко. Выше по течению он полого спускался к заросшей травой лужайке, расположившейся между кромкой воды и лесом. Русло реки там шло прямо, насколько хватало глаз, но нигде не видно было ни отмели, ни галечного брода, ни ствола, упавшего с берега на берег. Кролики сидели на берегу широкой заводи, где вода была почти неподвижна. Влево от них берег спускался к воде, и речка Энборн бежала среди кустов ольшаника, весело журча по галечному дну. В той стороне блестела натянутая через речку колючая проволока, и кролики решили, что ею отмечен брод для скота, как это было у них дома.

Орех увидел там подходящую лужайку.

– Пошли попасемся, – сказал он. – Пора позавтракать.

Они спустились с обрыва и занялись едой. У воды вдоль лужайки виднелись молодые побеги пурпурового вербейника и блошницы, которым до цветения оставалось еще месяца два. Расцвели только таволга да репейник. Снизу было видно, что обрыв густо усеян ласточкиными норками. Под обрывом, у воды, темнела узенькая полоска земли, усыпанная птичьим мусором, где среди прутьев, помета, перьев, скорлупы от разбившихся яиц лежали два мертвых птенца. Ласточки успели проснуться. Они выбрались из гнезд и сновали над речкой.

Орех приблизился к Пятику и, продолжая на ходу пощипывать стебли, тихо отвел его в сторону. Сидя за полоскою тростника, Орех спросил:

– Послушай, а ты уверен, что нам точно нужно переправляться? Может, лучше пойдем дальше по берегу? Хочешь – вверх, хочешь – вниз?

– Нет, Орех, без переправы не обойтись. Тогда мы попадем в поле и двинемся дальше. Я уже знаю, что нам нужно искать, – спокойное и сухое место на пригорке, откуда все видно и слышно, где почти не бывает людей. Разве ради этого не стоит побегать?

– Конечно стоит. Но где оно, это местечко?

– Только не на берегу, ты и сам это знаешь. Переправимся и двинемся вверх, что такого? Будем искать безлесый холм.

– А что, если все откажутся идти так далеко? Да и ты хорош – твердишь: «Переправляться, переправляться», а сам же говоришь, что устал и не можешь плыть.

– Я-то успею отдохнуть, а вот Плошка совсем выбился из сил. Он, похоже, еще и лапу поранил. Уж на полдня-то можно остановиться.

– Ладно, пошли поговорим с остальными. Кто откажется отдохнуть? Переправляться они все равно не захотят, разве что их что-нибудь испугает.

Едва братья повернули назад, из-за кустов на краю лужайки выглянул Шишак.

– А я-то думаю, куда вы подевались, – сказал он, обращаясь к Ореху. – Готовы?

– Нет, я не готов, – твердо ответил Орех. – Я считаю, нам нужно задержаться здесь до ни-Фрита. А вот когда все отдохнут, попробуем перебраться на луг.

Шишак хотел что-то ответить, но его опередил Черничка:

– Слушай, Шишак, а почему бы тебе сейчас не сплавать на ту сторону. Посмотрел бы, что там да как. Вряд ли лес тянется далеко в обе стороны. С того берега наверняка все видно, а потом решим, куда лучше идти.

– Ладно, – проворчал Шишак, – в этом, кажется, есть здравый смысл. Переплыву я вам эту эмблерскую[4] речку, раз вы хотите. Слушаюсь и повинуюсь.

Не раздумывая ни секунды, он в два огромных скачка подскочил к реке, плюхнулся в тихую заводь и поплыл на другой берег. Все смотрели, как Шишак выбрался там возле расцветшего куста норичника, зажав грубый стебель в зубах и подтянувшись, затем отряхнулся так энергично, что брызги долетели до ольхи. Через мгновение приятели увидели, как Шишак продрался сквозь кусты и припустил к лугу.

– Хорошо, что он пошел с нами, – сказал Серебряному Орех, снова вспомнив лукавого Треараха. – Этот парень разнюхает все, что надо. Эй, смотрите-ка, да он уже бежит назад.

Шишак несся по высокой траве обратно, и вид у него был куда более встревоженный, чем даже при встрече с капитаном. Он чуть ли не головой врезался в воду и быстро заработал лапами, оставляя на спокойной бурой глади воды след, похожий на стрелу. Едва выскочив на песок, Шишак закричал:

– Ну, Орех! На твоем месте я бы не стал ждать ни-Фрита! Надо немедленно уходить. Вот что да, то да.

– Это еще почему? – спросил Орех.

– По этому лесу бегает большой пес. Он сорвался с привязи.

Орех вздрогнул.

– Как? Откуда ты знаешь?

– С того берега лес отлично просматривается. Местами просто насквозь. Я его заметил, потому что он бегал там по поляне. За ним волочится цепь, так что наверняка сорвался с привязи. Может, он идет по следу лендри, но тот уже спит где-то. Ты что, надеешься, что он не учует нас? Мы же разнесли запах по всему лесу, да еще его и росой прибило! И что будем делать? Пошли, пора уносить ноги.

Орех растерялся. Шишак стоял перед ним, мокрый, отважный, прямодушный – просто олицетворение решимости. Рядом молча дрожал Пятик. Орех почувствовал на себе пристальный взгляд Чернички и понял, что и тот ждет его решения, словно Шишак не в счет. Плошка съежился на песке – самый испуганный, самый беспомощный кролик на свете. В лесу над обрывом громко залаяла собака и заверещала сойка.

У Ореха потемнело в глазах, и он сказал Шишаку:

– Раз так, ты лучше беги. Кто может плыть – за ним. А лично я подожду, пока Плошка с Пятиком отдохнут.

– Ах ты болван какой! – воскликнул Шишак. – Тогда нам всем конец! Мы…

– Не ори, – отрезал Орех. – Тебя слышно по всему лесу. Что же ты предлагаешь?

– Предлагаю?! Что предлагать-то! Кто может плыть, пусть быстро перебирается на тот берег. А остальным придется сидеть на месте и надеяться на везение. Может, пес в самом деле возьмет да пройдет мимо.

– Боюсь, я не могу так поступить. Это я уговорил Плошку бежать, я и буду его защищать.

– Но Пятика-то ты не уговаривал, а? Он сам тебя уговорил.

Орех подумал, невольно восхищаясь Шишаком, что тот, хоть и вышел из себя, сам не слишком спешит спасаться, да и трусит, пожалуй, поменьше других. Орех нашел глазами Черничку и увидел, как тот присел у воды выше по течению, где песчаная полоса на берегу уступала место крупной гальке. Лапы у него наполовину ушли в мокрые камешки, и он обнюхи-

[4] «Эмблерский» на языке кроликов означает «вонючий, пахнущий лисой». *(Примеч. автора.)*

вал какой-то большой и плоский предмет, который лежал возле самой кромки воды. Предмет напоминал обломок доски.

– Черничка, – позвал Орех, – ну-ка на минуточку.

Черничка обернулся, отряхнул лапы и подошел.

– Орех, – быстро начал он, – там кусок дерева, плоский, – такой же точно лежит у нас на Зеленой поляне, яму закрывает, помнишь? А этот, наверное, принесло водой. Значит, он может плавать. Мы посадим на него Плошку с Пятиком и снова столкнем в воду. Так и переправим их на тот берег. Понятно?

Орех представления не имел, о чем Черничка говорит. Для него все это было пустым набором слов, и даже горло перехватило от страха и от растерянности. Мало того что нетерпеливый Шишак злится, мало того что Плошка перепугался до полуобморока, мало того что где-то рядом по лесу бродит собака, так еще самый умный из всей команды лишился рассудка. Орех был близок к отчаянию.

– О Фритрах! Да, я понял! – почти возле самого уха Ореха вдруг зазвенел взволнованный голос. Это был голос Пятика. – Орех, быстро, хватит стоять! Пошли, подтолкни Плошку!

Черничка встряхнул обмершего от страха Плошку и пинками заставил того сделать несколько прыжков к отмели. Кусок дерева, немногим больше крупного листа ревеня, одним краем лежал на гальке. Черничка едва не силой втолкнул на него Плошку. И тот, дрожа, сел, сжался в комочек, а за ним на «плот» ступил Пятик.

– Кто посильней? – распорядился Черничка. – Шишак! Серебряный! Ну-ка, толкайте!

Никто его не послушал. Растерянные, озадаченные кролики только жались к земле и не двигались с места. Тогда Черничка сам поддел носом край доски, приподнял и толкнул. Доска накренилась. Плошка заверещал, а Пятик лишь опустил голову и сжал зубы. Но плот с двумя пассажирами выровнялся и на несколько футов отплыл от берега. Там он медленно развернулся, и Плошка с Пятиком оказались спиной к своим приятелям.

– Фрит и Инлé! – воскликнул Одуванчик. – Они сидят прямо-таки на воде! Почему же они не тонут?

– Они сидят на деревяшке, а дерево плавает, можешь ты это понять или нет? – сказал Черничка. – А теперь поплывем и мы. Ну, Орех, давай, командуй.

В эти последние несколько минут Орех растерялся как никогда в жизни. Он и так сам едва не потерял голову от страха, отказавшись плыть с Шишаком, чтобы не бросить Пятика с Плошкой на произвол судьбы. И сейчас он ничего не понимал, кроме одного: Черничка ждет, чтобы он показал, кто здесь все-таки главный. В голове все встало на свои места.

– Поплыли, – велел он. – Поплыли все.

Орех стоял и смотрел, как кролики входят в воду. Одуванчик поплыл, как бегал, легко и быстро. Серебряный тоже. Остальные барахтались как могли. Орех вошел в воду последним и только тогда, когда все добрались до берега. Шерсть в холодной воде намокла почти сразу. Дыхание участилось, голова ушла под воду, и он услышал тихий шорох гальки по дну. Орех неуклюже заколотил лапами и, стараясь держать голову повыше, нацелился на куст норичника. На берегу, в ольшанике, он оглядел промокших друзей.

– Где Шишак? – спросил он.

– У тебя за спиной, – откликнулся Черничка, зубы его лязгали.

Шишак был еще в воде, на другой стороне заводи. Он как раз только что подплыл к плотику, положил голову на край и, с силой работая задними лапами, направил доску к берегу.

– Сидите смирно, – услышал Орех, когда Шишак, задыхаясь от натуги, зашипел на Плошку и Пятика.

И Шишак тут же ушел под воду. Но через секунду вынырнул и снова положил голову на край доски. Доска покачивалась в такт толчкам, и все собравшиеся на берегу смотрели, как

она медленно плыла по воде и как наконец уткнулась в берег. Пятик вытолкнул Плошку на землю, потом спрыгнул сам, а следом за ними выбрался Шишак, задыхавшийся и продрогший.

– Я-то понял Черничку сразу, – сказал он. – Но толкать эту шутку в воде чертовски трудно. Хорошо бы солнце взошло поскорее. Замерз. Ну, двигаемся дальше?

Они выбрались из ольшаника и быстро домчались через луг до зеленой изгороди. Собака так и осталась в лесу на другом берегу. Только Шишак и Пятик и оценили изобретение Черничи, а остальные о нем тотчас забыли. Но Пятик подошел к Черничке, когда тот улегся под кустом терновника, и сказал:

– Ты спас нам с Плошкой жизнь. Плошка, может, так и не понял этого, но я это знаю точно.

– Неплохая была идея, согласен, – отозвался Черничка. – Надо будет запомнить. Вдруг еще раз пригодится.

9. Ворона и бобовое поле

В бобовый рай,
В грачиный грай,
В июнь да май!
***Р. Браунинг. De Gustibus*[5]**

Солнце уже поднялось высоко, а они так еще и лежали в терновнике, прижавшись к земле среди толстых корней. Одни спали, другие дремали. Они помнили об опасности, но устали так, что могли полагаться лишь на везение. Глядя на свою команду, Орех чувствовал себя еще беспомощней, чем на берегу. Нельзя долго оставаться у изгороди в открытом поле. Но Орех не знал, куда идти дальше. Нужно было пойти на разведку. Он двинулся вдоль кустов, держа нос по ветру, присматривая местечко, где можно было без особого риска понюхать ветер, который дул с юга. Может быть, запахи, которые он нес из-за изгороди, что-нибудь да прояснят.

Орех дошел до широкой тропы, где проходит стадо. Увидел коров, пасшихся вверху на склоне. Осторожно пролез через изгородь, присел на краю поля за листьями чертополоха и снова принюхался. Отсюда был отчетливо слышен смешанный запах боярышника и теплого навоза. Пахло и еще чем-то, и этот новый запах, сильный, приятный и свежий, Орех слышал впервые. Запах был здоровый. Нестрашный. Что же пахнет? И почему так сильно? Почему даже на открытом месте под южным ветром он забивает все остальное? Видно, источник его где-то рядом. Орех решил было отправить кого-нибудь на разведку. Одуванчику сбегать туда-сюда – до вершины холма и обратно – не трудней, чем зайцу. Но любовь к приключениям и озорству взяла верх. Орех решил разузнать все сам, так чтобы никто даже заметить не успел, что его нет. Будет Шишаку к чему цепляться.

Орех легко побежал по лугу в сторону стада коров. Когда он проскакивал мимо, коровы разом подняли головы, посмотрели внимательными глазами и вновь принялись жевать. Рядом с ними, хлопая крыльями, прыгала большая черная птица. С виду она напоминала большого грача, но – вот уж что на грачей не похоже – была одна-одинешенька. Орех видел ворону впервые. Ему и в голову не пришло, что птица ищет кротовый след и что, если найдет, прикончит зверька ударом клюва и вытащит из норки. Знай это, Орех вряд ли спокойно пробежал бы мимо и вряд ли отнесся бы к птице столь легкомысленно, назвав про себя просто «не ястреб», что у кроликов означает кого угодно – от вьюрка до фазана.

Необычное благоухание усилилось, обрушившись на Ореха мощными волнами, шедшими с вершины склона. Так на путешественника, который впервые попал на побережье Средиземного моря, обрушивается волнами аромат апельсиновых рощ. Зачарованный, Орех поднялся на вершину. Там невдалеке зеленела еще одна изгородь, а за ней, плавно колеблясь от ветерка, лежало огромное поле цветущей фасоли.

Орех сел на задние лапы и загляделся на этот опрятный лесок маленьких серо-зеленых стволов, увешанных колонками черно-белых цветов. Никогда он не видел ничего подобного. Орех знал ячмень и пшеницу, однажды попал на поле турнепса. Но здесь цветы были совсем другие, не похожие ни на что, и казались ему чем-то прекрасным, мирным и благотворным. Конечно, кролики не едят бобов, но им нравится этот запах. Кроме того, на фасолевом поле можно лежать сколько душе угодно, укрывшись в зарослях, да и бегать там легко и безопасно. Орех решил вернуться и привести сюда товарищей, чтобы они спокойно отдохнули до вечера под защитой шуршащего леса. Когда он спустился с холма, команда его лежала на том же месте. Шишак и Серебряный уже проснулись, остальные чутко дремали.

---

[5] О вкусах *(лат.)*.

– Не спишь, Серебряный? – поинтересовался Орех.

– Здесь слишком опасно, – ответил Серебряный. – Я устал не меньше других, но если все будут спать, то кто же поднимет тревогу в случае, если нас заметят?

– Знаю. Я и нашел одно местечко, где можно спать сколько угодно.

– Нору?

– Нет, не нору. Огромное цветущее поле. Оно спрячет нас от чужих глаз и носов, пока мы будем отдыхать. Пойдем понюхаем.

Оба кролика тотчас поднялись.

– Говоришь, что уже осмотрел эти растения? – Шишак, поводя ушами, старался уловить отдаленные шорохи поля.

– Да, на вершине. Пошли разбудим остальных. Того и гляди, появится какой-нибудь человек на своем хрудудиле[6], и они спросонок все разбегутся кто куда.

Серебряный разбудил спящих. Кролики просыпались неохотно и поднялись только тогда, когда он несколько раз повторил, что поле «совсем-совсем рядом».

Кролики бежали, широко рассыпавшись по склону. Впереди Шишак и Серебряный, немного позади Орех с Алтейкой. Остальные тянулись по одному – сделают несколько скачков и присядут, чтобы перекусить или оставить кучку помета на теплой, прогретой солнцем траве. Серебряный уже почти добежал до самого верха, как вдруг примерно на середине склона кто-то пронзительно заверещал – не звал на помощь, не пытался отпугнуть врага, а просто вопил от страха. На Пятика с Плошкой, отставших от всех, маленьких и усталых, напала ворона. Она пролетела над самой землей. Потом неожиданно кинулась на Пятика, целя в него огромным клювом, но тому удалось вовремя увернуться. А теперь, подскакивая бочком, она догоняла обоих приятелей, и страшная голова со страшным клювом была совсем близко. Вороны метят в глаза, и, почувствовав это, Плошка головой уткнулся в кустик травы, пытаясь зарыться как можно глубже. И заверещал.

Через несколько секунд Орех был с ними рядом. Он понятия не имел, что надо делать, и если бы ворона не обратила на него внимания, наверное, растерялся бы. Но она сама повернулась к нему, а Орех решил было обойти птицу сзади, но оглянулся на своих и увидел, как сбоку к ним подбегает Шишак. Ворона тоже заметила движение, попробовала достать Шишака клювом и промахнулась. Орех услышал, как клюв чиркнул по камешку и раздался звук, похожий на треск раковины, когда дрозд стучит ею о гальку, чтобы достать улитку. Тут следом за Шишаком подбежал Серебряный, и ворона, мгновенно оправившись после неудачи, пошла прямиком на него. Серебряный испугался, замер, а ворона, преисполнившись зловещего восторга, затанцевала почти перед самым его носом, хлопая огромными черными крыльями. Она уже изготовилась было клюнуть Серебряного, но тут Шишак прыгнул, сбил ворону с ног, и та рухнула на траву с резким, яростным карканьем.

– Вперед! – крикнул Шишак. – Заходи сзади! Эти птицы сами трусы! Только слабым и страшны.

Но ворона уже удирала; медленно, тяжело взмахивая крыльями, она полетела над самой землей. Кроликам хорошо было видно, как она долетела до нижнего края поля и исчезла над лесом за речкой. В тишине раздалось тихое похрустывание – корова, не переставая жевать, подошла к ним ближе.

Шишак поспешил к Плошке, бормоча себе под нос непристойную песенку гвардейцев ауслы:

Хей-хей, и эмблерский Храйр,

[6] Хрудудиль на кроличьем языке означает трактор, автомобиль или любое средство передвижения. *(Примеч. автора.)*

М’сайон улé храка вайр[7].

– Пошли, Хлао-ру, – сказал он. – Да не прячь ты голову. Ну и денек сегодня!

Шишак двинулся к вершине, и следом Плошка, стараясь не отставать от спасителя. Орех вспомнил, как Пятик говорил, будто у малыша неладно с лапой. И теперь, глядя на неловкую, ковыляющую походку Плошки, подумал, что тот, наверное, и впрямь поранился. Время от времени Плошка пробовал наступать на правую переднюю лапу, но тотчас снова ее поджимал и ковылял на трех.

«Как только найдем безопасное место, нужно ее как следует осмотреть, – подумал Орех. – Бедняга, так он далеко не уйдет».

Алтейка уже выбежал на вершину и что есть духу понесся к фасолевому полю. Орех пролез сквозь изгородь, перепрыгнул полоску межи и сел под бобовым кустиком, в сумрачном междурядье, между длинными грядками, смыкавшимися далеко внизу. Земля здесь была мягкая, рыхлая, кое-где сквозь нее пробивались ростки сорняков, которые часто встречаются на любом возделанном поле. И здесь в зеленом сумраке под листиками фасоли приютились полевая горчица, дымянка, очный цвет и ромашка. Легкий ветер шевелил стебли, в нежной зелени играли солнечные пятна, и «зайчики», отскакивая, бежали по коричневой земле, по белым камешкам и сорнякам. Но в этом непрестанном движении не чувствовалось никакой угрозы – это двигался лес, и кроличье ухо ловило лишь один-единственный звук – мягкий и непрерывный шорох листьев. Далеко в междурядье Орех заметил спину Алтейки и тоже понесся вглубь зеленого поля.

Немного погодя кролики собрались в небольшой ложбинке. Вокруг стояли ровные ряды фасоли, скрыв от врага под своей сенью и кроликов, и кроличий запах. Даже в норе вряд ли может быть безопасней. Плохо только, что еды на фасолевом поле мало – несколько травок да одуванчики.

– Здесь можно спать хоть целый день, – сказал Орех. – Но по-моему, пусть лучше кто-нибудь все же останется сторожить. Если вы согласны, я подежурю первый, а заодно займусь твоей лапой, Хлао-ру. Кажется, с ней что-то не так.

Плошка, лежавший на левом боку и часто и тяжело дышавший, перекатился через спину и, снизу вверх, подал Ореху лапу. Тот внимательно осмотрел густую грубую шерстку (на лапах у кроликов нет подушечек) и почти сразу нашел то, что и ожидал: в шерсти торчал круглый обломившийся шип терновника. Он вошел глубоко, и ранка немного кровоточила.

– Ну и занозища у тебя, – сказал Орех. – Ничего удивительного, что ты еле бегаешь. Придется вынимать.

Вынуть колючку оказалось не так просто: лапа наболела, и Плошка вздрагивал, дергался даже тогда, когда Орех прикасался к ней языком. Ореху пришлось набраться терпения, и наконец, после долгих попыток, ему удалось ухватить обломок зубами. Шип вышел сразу целиком, и из ранки потекла кровь. Он был такой длинный и толстый, что Плющик, оказавшийся рядом, даже разбудил Алтейку, чтобы и тот посмотрел.

– Силы небесные, Плошка! – воскликнул Алтейка, обнюхав колючку, которую бросили на гальку. – Тебе надо было побольше таких набрать – ты тогда еще одну доску куда-нибудь приколотил бы, чтобы снова Пятика напугать. Кабы знать, ты мог бы и глаз лендри выколоть.

– Зализи ранку, Хлао, – велел Орех. – Лижи, пока не полегчает, а потом – спать.

[7] Хей-хей, вонючая Тысяча, мы можем справиться с тобой, даже когда остановимся, чтобы освободиться от наших какашек. *(Примеч. автора.)*

10. Дорога и пустошь

Робкий рассказал, что они… совершили трудный путь… но чем далее шли, тем более встречали опасностей, так что они решили вернуться к себе.
Дж. Баньян. Путешествие пилигрима в Небесную страну. Перевод Ю. Д. З.

Через некоторое время Орех разбудил Алтейку. Потом выкопал себе в земле неглубокую ямку и уснул. Одна вахта сменяла другую. Люди давно утратили чувство, которое подсказывает кроликам, сколько прошло времени. Все живые существа, у которых нет ни часов, ни книг, добывают знания о времени и погоде естественным образом; и, судя по их поразительным путешествиям и возвращениям домой, они умеют даже определять направление. Перемену в погоде и влажности почвы, положение теней и солнечных зайчиков, наклон стеблей, направление, силу воздушных потоков, стелющихся над землей, – все замечает кролик-сторож.

Солнце начинало клониться к западу, когда Орех проснулся и увидел Желудя, который, устроившись между двух белесых камней, нюхал воздух. Недалеко на земле растянулся Плошка. По животу его полз черно-желтый жучок – жучок остановился, шевельнул короткими загнутыми усиками и пополз дальше. Орех напрягся от страха. Он знал этих жучков, которые, найдя тела мертвых животных, поселяются в них и откладывают яйца. Под тельцем маленького животного, вроде землеройки или птенца, они выкапывают ямку, откладывают яйца прямо на трупике и засыпают его землей. Неужели Плошка умер во сне?! Орех быстро выпрямился. Желудь вздрогнул и повернулся, а жучок – стоило проснувшемуся Плошке шевельнуться – сполз на камешки и заковылял прочь.

– Как дела? – спросил Орех.

Плошка поставил лапу на землю. И наступил.

– Лучше намного, – сказал он. – Кажется, теперь я смогу бегать, как все. И меня ведь не бросят, не бросят?

Орех потерся носом у Плошки за ухом.

– Никто никого не собирается бросать, – заявил он. – Если тебе надо еще задержаться, я тоже останусь. Но будь поосторожней с колючками, Хлао-ру, нам еще далеко идти.

А в следующую минуту все кролики подскочили от страха. Совсем рядом над полем раздался выстрел. Подняли крик чибисы. Эхо выстрела прокатилось волной, будто галька в коробке, из лесу за речкой послышалось хлопанье крыльев лесных голубей в кронах деревьев. А кролики уже неслись в разные стороны по бобовому полю. Страх гнал их в норы, но вот норто здесь как раз и не было.

На краю поля Орех остановился. Он огляделся и никого не увидел. Дрожа, ждал он следующего выстрела, но было тихо. Потом Орех услышал, как земля загудела от твердой поступи человека, спускавшегося с холма к реке, откуда сегодня утром пришли кролики. В ту же секунду появился Серебряный, продиравшийся сквозь посадки совсем рядом.

– Надеюсь, он стрелял по вороне. Как ты думаешь? – спросил Серебряный.

– Надеюсь, всем хватило ума не сбежать с этого поля, – ответил Орех. – Разбежались кто куда. Как их теперь искать?

– Найдешь их теперь, как же, – буркнул Серебряный. – Пошли лучше обратно. Они сами скоро вернутся.

Но прошло довольно много времени, пока все собрались в ложбинке. Поджидая друзей, Орех понял ясно, как никогда, сколько опасностей подстерегает их в незнакомых полях, где нет даже норы и негде спрятаться. Лендри, собака, ворона, охотник – все это время им просто

везло. Сколько продлится это везение? Найдут ли они то место, о котором твердит Пятик, и где это место искать?

«Сам я радовался бы любому сухому пологому склону, – думал Орех, – если там есть трава и нет людей с ружьями. И чем скорей нам такой попадется, тем лучше».

Последним явился Дубок, и Орех сразу поднялся. Осторожно выглянул из-за фасолевых кустиков и скакнул вперед. Потом остановился понюхать ветер, и тот успокоил его, принеся только запахи вечерней росы, цветов и коровьего помета. Орех первым выскочил на соседнее поле – это оказалось пастбище, и кролики спокойно, как дома, пустились пастись, оставляя за собою дорожку обгрызенных стеблей.

Пройдя пастбище до середины, Орех услышал, как с другой стороны, от ограды, в их сторону быстро движется хрудудиль, меньше и тише, чем трактор, который кроликам иногда случалось увидеть дома сквозь заросли примул. Он проехал мимо, яркий – ярче зимних деревьев, – весь блестящий, выкрашенный в фальшивый, неестественный, придуманный людьми цвет. Тотчас запахло мазутом и выхлопными газами. Орех замер, нос его задвигался. Он никак не мог понять, почему этот хрудудиль бежит по полю так легко и быстро. Вдруг он сейчас вернется? И смогут ли все удрать, если тот вздумает за ними охотиться? Пока он сидел, прикидывая, как поступить, подбежал Шишак.

– Там дорога, – сказал он. – Кое-кому она в новинку.

– Дорога? – удивился Орех, вспомнив разрытую землю возле доски с объявлением. – С чего ты взял?

– А ты думаешь, почему хрудудиль бежит так быстро? Ты что, не чуешь?

Теперь и Орех ясно слышал запах теплого гудрона.

– В жизни не слышал такого запаха, – нахмурился Орех.

– Значит, – сказал Шишак, – Треарах ни разу не посылал тебя за салатом. Если бы ты за ним бегал, то знал бы, что такое дороги. По ночам они и вправду опасны. Тогда и дорога – элиль.

– Наверное, мне многому у тебя надо учиться, – вздохнул Орех. – Давай пойдем первыми, остальные за нами.

Они побежали вперед, пролезли сквозь изгородь. С изумлением Орех смотрел на дорогу. На минуту ему показалось, что между двух зеленых склонов течет еще одна река – черная, гладкая и прямая. Потом он заметил вдавленный в гудрон гравий, потом бегущего паука.

– Какая-то она ненастоящая, – произнес Орех, вдыхая странный сильный запах гудрона и масла. – Зачем она тут? Откуда она взялась?

– Это все люди, – сказал Шишак. – Это они положили ее сюда, а потом забегали хрудудили – быстрее нас, а кто еще может бегать быстрее?

– Значит, они опасны? Они нас могут поймать?

– Нет, вот это-то и странно. Они не обращают на нас никакого внимания. Хочешь, покажу?

Остальные уже пролезали сквозь изгородь, а Шишак спрыгнул со склона и сел на обочине. Из-за поворота донесся шум приближающегося автомобиля. Орех и Серебряный напряглись. Автомобиль вывернул из-за холма и, блестя бело-зеленой краской, пронесся мимо Шишака. На мгновение в мире исчезло все, кроме страха и грохота. Потом автомобиль исчез, и шерстка у Шишака затрепетала от поднятого им ветра. Шишак прыгнул обратно и уселся среди обомлевших кроликов.

– Видели? Они нас не тронут, – заявил он. – Мне даже кажется, что они неживые. Но, честно говоря, точно я не знаю.

И так же, как на берегу, Черничка отполз в сторонку, спустился на свой страх и риск на дорогу и пошел, принюхиваясь к гудрону. Приятели увидели, как на полпути к повороту он дернулся и отскочил под прикрытие склона.

– Что там такое? – спросил Орех.

Черничка не ответил, и Шишак с Орехом запрыгали по обочине в его сторону. Черничка то открывал, то закрывал рот, облизываясь так, как облизывается кошка, когда случайно попробует что-нибудь мерзкое.

– А ты, Шишак, говоришь, хрудудили не опасны, – сказал он спокойно. – По-моему, ты ошибаешься – смотри.

Посреди дороги лежало расплющенное окровавленное тельце – белый мех, бурые колючки, маленькие черные ножки, черная мордочка. Над ним кружили мухи, и в нескольких местах сквозь раздавленный трупик торчали камни.

– Это йона, – объяснил Черничка. – Кому он помешал? Он и не ест-то никого, только слизняков да жуков. А кто же *ест йону*?

– Наверное, он шел ночью, – заметил Шишак.

– Конечно. Все йоны охотятся ночью. Ведь если кто-нибудь увидит йону днем, йона умрет.

– Да, знаю. Я просто хочу сказать, что ночью хрудудили бегают с большими огнями – ярче огня Фрита. Эти огни и ведут их вперед, но если кто-нибудь попадет в полосу света, то уже ничего не видит и не знает, куда бежать. Вот тогда хрудудиль может и раздавить. По крайней мере, так нас учили в аусле. Сам я не проверял, да и не собираюсь.

– Ладно, скоро стемнеет, – сказал Орех. – Пошли, пора переходить. Насколько я понял, для нас в этой дороге ничего хорошего нет. Посмотрели, знаем, что это такое, и пора уносить ноги.

До восхода луны друзья успели пройти через Ньютаунское церковное кладбище, где меж зеленых лужаек бежит ручеек и ныряет под маленький мост. Поплутав немного, они выбрались на холм Ньютаунской пустоши – края торфяных болот, утесника и серебристых берез. После оставленных лугов земля эта показалась кроликам чужой и враждебной. Деревья, трава, даже почва – все было здесь не такое. Кролики остановились в зарослях вереска, не зная и не видя дороги. Шерстка у них промокла от росы. На земле, в черных разломах обнажившегося торфа, стояла вода, повсюду попадались мерцавшие в лунном свете острые камни величиной то с голубя, то с кроличью голову. Добегая до очередного разлома, все сбивались в кучу и ждали, пока Орех или Шишак первыми переберутся на другую сторону и найдут дорогу. В этих краях водилось много жуков, пауков, маленьких ящериц, которые всякий раз прыскали в стороны, когда беглецы задевали кустики упругого, жесткого вереска. Один раз Алтейка вспугнул змею – и взвился в воздух, увидев, как та, проскользнув у него между лап, скрылась в норе у подножия березы.

Даже здешние травы были им незнакомы – ни розовый мытник с гирляндами крючковатых цветов, ни костолом, ни росянка, поднимавшая на тоненьких стебельках пушистые, плотно закрытые ночью цветы-мухоловки. В густых травяных джунглях царил покой. Кролики шли все медленней, надолго останавливаясь у торфяных трещин. В вереске было тихо, но через пустошь ветер доносил отдаленные ночные звуки. Вот закричал петух. Вот пробежала с лаем собака, на нее прикрикнул человек. Маленькая сова позвала: «Ки-вик, ки-вик», и неожиданно пискнула не то полевка, не то землеройка. Пискнула негромко, но будто предупреждая об опасности.

Глубокой ночью, уже ближе к закату луны, Орех сидел вместе со всеми перед разломом и смотрел на низкий, нависший над ним обрывчик. Пока он раздумывал, стоит ли карабкаться наверх, чтобы искать дорогу там, сзади послышался шорох. Орех оглянулся и увидел Дубка. Вид у того был такой, словно он то ли что-то скрывал, то ли просто не знал, на что решиться, и Орех, пристально глядя на товарища, забеспокоился, уж не заболел ли, не отравился ли он.

– Э-э… Орех, – промямлил Дубок, глядя мимо Ореха на темную мрачную глыбу. – Я… э-э… так сказать… нам… Ты знаешь, мы уже больше не можем. С нас хватит.

Он замолчал. Теперь Орех заметил за спиной Дубка Плющика с Желудем – они молча ждали. Наступила тишина.

– Продолжай, Дубок, – сказал Орех, – или ты ждешь чего-то от *меня*?

– Мы сыты по горло, – с глуповатой важностью произнес Дубок.

– Я тоже, – ответил Орех, – но, надеюсь, осталось немного. И там мы отдохнем.

– А мы хотим отдохнуть сейчас же, – заявил Плющик. – Мы считаем, что глупо было заходить так далеко.

– Чем дальше, тем хуже и хуже, – подхватил Желудь. – Куда мы идем, сколько еще идти – пока кто-нибудь не остановится навсегда?

– Вам здесь просто страшно, – возразил Орех. – Мне и самому не нравится это место, но должны же мы когда-нибудь выйти отсюда.

Дубок посмотрел на него лукаво, с хитринкой.

– Думаешь, мы не поняли, что ты и сам не знаешь, *куда* нам идти. Про дорогу ты ведь не знал? Не знал. Ты и теперь не знаешь, что дальше.

– Послушайте, – начал Орех, – полагаю, вы сказали мне, что хотите делать, а теперь я скажу вам, что я об этом думаю.

– Мы хотим вернуться, – заныл Желудь. – Мы считаем, что Пятик ошибся.

– Как же вы вернетесь? Как сможете преодолеть все то, через что мы уже прошли? – удивился Орех. – Да если вам и удастся дойти до дома, вас, скорее всего, убьют за драку с офицером ауслы, вы что, забыли? Ради Фрита, если уж вы решили остановиться, чтобы поговорить, говорите что-нибудь путное.

– Но ведь это не мы дрались с Падубом, – напомнил Плющик.

– Вы там были, и вас привел Черничка. Вы что, надеетесь, они это забудут? А кроме того…

Тут Орех увидел подошедших Пятика и Шишака и замолчал.

– Орех, – сказал Пятик, – ты не мог бы подняться со мной наверх? Это очень важно.

– А я пока перекинулся бы парой слов с этой троицей, – подхватил Шишак, мрачно разглядывая их из-под своей «шапки». – Почему это ты, Дубок, до сих пор не умылся? Ты похож на обгрызенный кусок крысиного хвоста в крысоловке. А ты, Плющ…

Орех не пожелал узнать, на что похож Плющик. Следом за Пятиком, по уступам, по торчащим пластам торфа он полез среди кустиков тощей травы на каменистый обрыв. На этот раз впереди шел Пятик, который уже отыскал дорогу, и как раз в том месте, которое Орех разглядывал, когда подошел Дубок. Обрыв начинался всего в нескольких футах от клонившегося на ветру вереска, а наверху расстилалась ровная травянистая гладь. Братья, поднявшись, сели. Справа, в желтой дымке, проглядывая сквозь редкие тучи, плыла луна, вдали темнел сосновый бор. Кролики смотрели на юг, на простиравшуюся перед ними унылую пустошь. Орех ждал, что Пятик заговорит, но тот молчал.

– Что ты хотел сказать мне? – наконец спросил Орех.

Пятик не отвечал, и Орех, озадаченный, тоже умолк. Снизу донесся голос Шишака:

– А ты, Желудь, ты, навозная песья рожа, плачет по тебе веревка охотничья, если б у нас было время, я тебе показал бы…

Луна выплыла из-за туч и ярче осветила вереск, но ни Пятик, ни Орех не двинулись с места. Пятик смотрел куда-то вдаль, за край пустоши. Милях в четырех от них, на южном краю горизонта, поднималась гряда холмов высотою в семьсот пятьдесят футов. Ветер дул там сильней, чем на равнине, и гнул буковые деревья Коттингтонского леса на самой высокой вершине.

– Смотри! – неожиданно сказал Пятик. – Вон туда мы и идем. Холмы там высокие и безлюдные, ветер доносит к вершинам каждый звук, а земля сухая, как солома в амбаре. Вот куда мы идем. Вот куда нам нужно.

Орех посмотрел на далекую гряду, наполовину скрытую в дымке. Он понимал, что и речи не может быть о таком походе. Хорошо, если удастся выйти из вереска на какое-нибудь тихое поле, за которым есть крутой склон с молодым подлеском, как дома. Какое счастье, что Пятик не стал говорить о своих дурацких мечтах при всех, особенно теперь, когда забот и так по горло. Надо бы втолковать ему, чтобы он выбросил это из головы немедля, тогда, может, еще обойдется, если, конечно, он не успел разболтать все Плошке.

– Нет, Пятик, это слишком далеко, – сказал Орех. – Подумай, целые мили опаснейшего пути. Если ты только заикнешься об этом, они перепугаются еще больше, а ведь все уже и так на пределе. Нам сейчас нужно одно: найти спокойное место. Я предпочел бы довести до конца то, что нам по силам, чем браться за дело не по зубам.

Пятик ничего не сказал в ответ. Похоже, он целиком ушел в свои мысли. И когда заговорил снова, то обращался скорей к самому себе, чем к Ореху:

– Перед холмами густой туман. Мне сквозь него ничего не видно, но я знаю, что мы пройдем его. Или в него уйдем.

– Туман? – переспросил Орех. – Что ты хочешь этим сказать?

– У нас будут странные неприятности, – прошептал Пятик, – и элили здесь ни при чем. Это больше похоже… похоже на туман. Будто нас обманули, и мы заблудились.

Никакого тумана в помине не было. Стояла майская ночь, свежая, ясная. Орех ждал, и Пятик, немного еще помолчав, сказал медленно, без выражения:

– Надо идти туда. – Голос его упал и стал похож на бормотание спящего. – Идти туда. Кролик, возвращающийся назад, сует голову в капкан. Идти туда – глупость. Идти туда страшно. Идти туда… Нет! – Он весь задрожал, дернулся раза два и затих.

Внизу, под обрывом, Шишак, кажется, завершал свою речь:

– А теперь ты, пучок кротовый, жук навозный, ты, трусливый клещ овечий, быстро марш с моих глаз. Иначе я… – Тут ветер снова отнес его голос.

Орех снова взглянул на неясную цепь холмов. Пятик, все еще бормоча, ерзал за спиной, и Орех, мягко подтолкнув брата передней лапой, ткнулся носом в его плечо.

Пятик вздрогнул.

– Орех, о чем я говорил? Боюсь, мне не вспомнить. Я хотел тебе показать…

– Ерунда, – ответил Орех. – Пошли вниз. Пора нам собраться. Если ты опять почувствуешь что-нибудь такое… странное, держись поближе ко мне. Я за тобой присмотрю.

11. Трудный путь

Тут… сэр Бомейн… поскакал… во весь опор через луга и топи и через широкие равнины, и нередко в пути случалось ему… с головой погружаться в трясину, ибо он скакал не разбирая дороги и не раз… был на волос от гибели. Но под конец случилось ему выехать на ровный зеленый проселок…

Т. Мэлори. Смерть Артура. Перевод И. Бернштейн

Черничка сидел на торфяной кочке и жевал черешки осоки, поджидая, пока Пятик с Орехом спустятся вниз.

– Эй! Что случилось? Где остальные? – спросил Орех.

– Вон они, – ответил Черничка. – Какая тут свара была! Шишак сказал, что, если Дубок и Плющик не станут подчиняться, он их попросту растерзает в клочки. А когда Дубок сказал, что желает знать, кто у нас старшина, Шишак его укусил. Ну и скандал! А правда, кто у нас старшина – Шишак или ты?

– Не знаю, – ответил Орех. – Но Шишак-то, конечно, сильней. Зря он укусил Дубка: тот и сам никуда не уйдет, даже если захочет. Он и его приятели поняли бы все сами, будь у них время подумать. А теперь, после трепки, они решат, что идут вперед, потому что Шишак их заставил силой. Я не хочу, чтобы кто-то уходил просто потому, что уходить пока некуда. И слишком нас мало, чтобы ссориться тут или драться. Фрит туманный! Нам что, других забот не хватает?

Они прошли к разлому. Сидя под нависшими ветвями ракитника, Серебряный и Шишак разговаривали с Алтейкой. Поодаль Одуванчик с Плошкой прыгали, делая вид, что их интересует только чахлая низкорослая травка. Еще чуть дальше Желудь старательно зализывал ранку на шее Дубка, а Плющик не сводил с них глаз.

– Потерпи, посиди смирно, бедняга ты, бедняга, – сказал Желудь, явно в расчете на то, чтобы его услышали все. – Дай мне хоть кровь слизать. Тихо ты!

Дубок вскрикнул нарочито громко и дернулся. Орех подошел ближе, и все выжидающе уставились на него.

– Слушайте, – начал Орех, – хоть вы и поссорились, но лучше всего сейчас забыть об этом. Место здесь скверное, но мы скоро выберемся отсюда.

– Ты действительно так думаешь? – спросил Одуванчик.

– Если мы сейчас двинемся вперед, – с отчаянием сказал Орех, – я выведу вас еще до рассвета.

«А если не выведу, – подумал он, – вы меня на клочки разорвете. Да, может, так оно будет лучше».

Второй раз поднимался он на обрыв, но теперь за ним шли остальные. Снова начался утомительный жуткий бег, прерываемый лишь на пару минут по тревоге. Один раз над головой бесшумно пролетела белая сова – пролетела так низко, что Орех встретился с ней взглядом. Но то ли сова летела не на охоту, то ли Орех был слишком велик для нее, но она исчезла за вересковой пустошью. Орех замер, ожидая, что вот-вот сова вернется, но она так больше и не появилась. Другой раз Одуванчик учуял запах горностая, и все подошли, вместе обнюхивая землю. Но запах оказался давнишний, и вскоре кролики вновь помчались вперед. Двигаться в этих низких зарослях было трудней, чем в лесу, кролики бежали неровно – то быстро, то медленно. То и дело они останавливались, обмирая при каждом шорохе, не слишком разбирая, померещился он или нет. Было так темно, что временами Орех переставал понимать, кто ведет – Шишак, Серебряный или он сам. Однажды, услышав впереди неясный звук, он долго сидел, замерев, а потом, осторожно ступая, наткнулся возле кустика ёжи на скорчившегося от страха

Серебряного, который насмерть перепугался, заметив тень Ореха. В мире исчезло все, кроме смятения, страха, усталости, бега. Во время этого кошмарного ночного путешествия Плошка почти всегда держался где-то рядом. Остальные то исчезали, то появлялись, кружа, как щепки в заводи, а Плошка был поблизости и так нуждался в поддержке, что это отгоняло собственные страхи и усталость Ореха.

– Уже недалеко, Хлао-ру, уже недалеко, – не переставая бормотал Орех, пока не почувствовал, что слова уже потеряли всякий смысл, превратившись в набор звуков. Но он повторял их и повторял, обращаясь не к Плошке и даже не к себе самому. Просто он говорил во сне или словно во сне.

Наконец он увидел предвестник зари – слабый, едва различимый светлый уголок, далеко, за краем незнакомой долины; и тотчас же запела овсянка. Наверное, Орех в эту минуту чувствовал то же самое, что и проигравший сражение генерал. Где войско? Орех только и мог надеяться, что где-то рядом. Но так ли это? Все ли живы-здоровы? И где он сам – забежал вперед или отстал? Что делать дальше? И что делать, если сейчас вдруг да выскочит элиль? У Ореха не было ни ответов, ни сил, чтобы их искать. За спиной дрожал от сырости Плошка, и Орех, повернувшись, обнюхал его – точь-в-точь оставшийся не у дел генерал, который заботится о денщике просто потому, что тот случайно оказался рядом.

Все больше светало, и вскоре Орех увидел перед собой проселочную дорогу, усыпанную гравием. Он выбрался из вереска, сел на камнях и отряхнулся. Теперь он хорошо видел Пятиковы холмы – серо-зеленые, показавшиеся в сыром воздухе совсем близко. Он даже различил на пологих склонах пятна утесника и низкорослых тисов. Орех сидел на дороге, разглядывая даль, когда услышал за спиной взволнованный голос:

– Он справился! А что я вам говорил?

Орех повернул голову и увидел на дороге Черничку. Тот устал, вымазался в грязи, но сказал это именно он. Следом за ним из вереска выбрались Желудь, Плющик и Алтейка. Теперь все четверо уставились прямо на Ореха. Орех не сразу понял, с чего бы это. Потом, когда приятели придвинулись ближе, он догадался, что смотрят они не на него, а куда-то дальше. Орех обернулся. Гравийная дорога спускалась вниз к тонкой полоске рябин и серебристых берез. За ней была редкая изгородь, а дальше, меж двух покрытых леском склонов, лежало зеленое поле. Они все же прошли эту пустошь.

– Ох, Орех, – сказал Черничка, подходя и огибая грязную лужицу на дороге, – я так устал, так растерялся, что начал было сомневаться – знаешь ли ты, куда нас ведешь. Я слышал в вереске, как ты твердил это «уже недалеко», и даже злился. Я думал, ты просто морочишь нам голову. Мне следовало бы знать тебя получше. Фрит-рах свидетель, ты самый настоящий старшина!

– Здорово, Орех-рах! – сказал Алтейка. – Вот здорово!

Орех не знал, что ответить. Он смотрел на них и молчал, и тогда заговорил Желудь:

– Вперед! А ну-ка, кто первый доберется до поля? Лично я еще могу пробежаться. – Он начал было – кстати, довольно медленно – спускаться по склону, но, услышав оклик Ореха, сразу остановился.

– Где остальные? – спросил Орех. – Где Одуванчик? Шишак?

В тот же миг из вереска появился Одуванчик и сел на дороге, уставясь на поле. За ним – Дубок, потом – Пятик. Орех следил взглядом, как брат выбирается на обочину, когда раздался голос Алтейки, который показывал в сторону склона.

– Посмотри-ка, Орех-рах, – сказал он. – Там внизу Шишак и Серебряный. Они ждут нас.

Светло-серая шкурка Серебряного резко выделялась на фоне низких кустов утесника, но Шишака Орех увидел, только когда тот вскочил и подошел к ним.

– Прекрасно, Орех, – сказал Шишак. – Все вышли. Давайте-ка теперь в поле.

И через несколько минут над ними уже шелестели кроны серебристых берез, а когда взошло солнце, просвечивая то зеленым, то красным сквозь листья папоротников и цветов, кролики пролезли сквозь изгородь и побежали по мелкой канавке в густой луговой траве.

12. Незнакомец в поле

Тем не менее даже в перенаселенном кроличьем городке к чужаку, если это молодой кролик, могут отнестись терпимо… а если он к тому же достаточно силен, ему даже могут позволить остаться.
Р. М. Локли. Частная жизнь кролика

Дожить до той поры, когда исчезнут тревога и страх! Увидеть, как поднялась и рассеялась туча над головой – та самая туча, лежавшая на сердце, из-за которой возможность счастья чуть не обратилась в воспоминание! Это одно из немногих чувств, известных всем без исключения.

Вот ребенок – он ждет наказания. Но вдруг оказалось, что взрослые не заметили или простили его проделки, – и тотчас же мир заиграл всеми красками, наполнился сладчайшими ожиданиями… Вот солдат, который ждет боя с тяжелым сердцем, готовый к страданию и гибели. Но вдруг и ему улыбнулась удача. Пришло известие – война окончена, и кругом все поет! Солдат наконец вернется домой!.. А вот воробьи на пашне – спрятались от пустельги. Но пустельга улетела – и они резвятся, мельтешат над оградой, пищат и садятся, куда захотят… Вот злая зима сковала всю землю. Зайцы сидят на пригорке, вялые, отупевшие от мороза, и готовы уже погрузиться в бесконечную глубину ледяного покоя снегов и безмолвия. И вдруг – кто бы мог подумать? – затренькала капель, большая синица на голой вершине липы зазвонила в свой колокольчик, задышала земля – и зайцы носятся, скачут на теплом ветерке. Безнадежность и отвращение рассеялись, как туман, и немотное одиночество, подобное бесплодным трещинам в земле, где они обитали, расцветает подобно розе и устремляется к вершинам холмов и к небу.

Усталые кролики паслись, резвились на залитом солнцем лугу так, словно пришли из подлеска, с соседнего склона. Вереск, шараханья в темноте были забыты, их будто бы растопило поднявшееся солнце. В высокой траве играли в догонялки Шишак с Дубком. Плющик прыгал взад-вперед через ручей, бежавший посередине поля, Желудь решил было последовать его примеру, но не рассчитал – и свалился в воду. Пока он выбирался, Серебряный насмехался над ним, а затем опрокинул его на ворох прошлогодних дубовых листьев и не отпускал, пока Желудь не обсох. Когда солнце поднялось выше, съежились тени и высохла роса, все вернулись в тенистые заросли бутня, росшего вдоль канавы. Рядом, под цветущей дикой вишней, уже сидели Пятик, Орех и Одуванчик. Облетали белые лепестки, осыпая траву, поблескивая на кроличьих шкурках, и неподалеку пел дрозд: «Дер-р-ревце, дер-р-ревце, р-р-росистое дер-р-ревце. Пригнись, пригнись, пригнись».

– Что ж, неплохое местечко, а, Орех? – лениво сказал Одуванчик. – Кажется, пора присмотреть себе какой-нибудь склон. И хотя, честно говоря, лично мне спешить неохота, но, похоже, скоро пойдет дождь.

Пятик, кажется, что-то хотел сказать, но тряхнул ушами, отвернулся и куснул лист одуванчика.

– Вон там, повыше, за деревьями, место, похоже, неплохое, – ответил Орех. – Что скажешь, Пятик? Пойдем сразу или подождем немного?

– Все равно – как хотите, – помолчав немного, отозвался Пятик.

– Но мы же не будем копать по-настоящему, правда? – спросил Шишак. – Это занятие для крольчих – не для нас.

– Все-таки парочку нор вырыть надо. Что скажете? – начал Орех. – Нужно, чтобы на всякий случай было какое-то укрытие. Пошли посмотрим. Пока время есть, поищем склон поуютней. Или вам хочется делать одно и то же дважды?

– Что ж, это дело, – заметил Шишак. – Вы ищите, а мы с Серебряным и Алтейкой сбегаем на соседние поля, посмотрим, что там да как.

И трое разведчиков помчались за ручей, а Орех с остальными пустились бегом через поле к лесной опушке. Медленно двигались они вдоль подножия склона, шныряя в кустиках красной дремы и пугая малиновок. Время от времени кто-нибудь принимался скрести каменистую почву или, набравшись смелости, отбегал в сторону за деревья, за кусты орешника порыться в прошлогодних листьях. Побродив, побегав, кролики вышли на место, с которого открывался вид на широкое поле. С обеих сторон его окружал лес, отступая дугой от ручья. Вдалеке виднелись крыши фермы. Орех остановился, и остальные кролики сгрудились рядом.

– По-моему, все равно, где копать, – рассуждал он. – По мне, так здесь любое место хорошо. Никаких следов элилей – ни запаха, ни помета. Странно, конечно, но, может быть, дома мы сами их на себя навлекали. Во всяком случае, тут, кажется, нам будет неплохо. А теперь вот что надо сделать. Давайте немного вернемся к деревьям и начнем рыть у дуба – там, где белая кашка. До фермы и отсюда неблизко, но чем дальше, тем нам спокойней. К тому же там лес напротив, и зимой деревья немного защитят нас от ветра.

– Отлично! – воскликнул Черничка. – Смотрите, а туч-то все больше. К вечеру будет дождь, надо торопиться. Пора. Глядите, глядите! Вон внизу Шишак… Вся троица!

По берегу ручья, не замечая приятелей, бежали три кролика. Они проскочили мимо, к подлеску, туда, где долина сужалась, и понеслись вверх, успев одолеть полсклона, пока Орех не послал вдогонку Желудя, – тогда только они заметили своих и спустились к канавке.

– Похоже, нас тут некому беспокоить, – доложил Ореху Шишак. – Ферма далеко, элилей в полях и следа нет. Есть, правда, человечья дорога – даже несколько, – и ходят по ним, кажется, нередко. Запах свежий, и полным-полно белых палочек, тех самых, которые люди таскают в зубах. Но может быть, это и к лучшему. Будем от людей держаться подальше, зато они распугают нам всех врагов.

– Как ты думаешь, зачем люди ходят туда-сюда? – спросил Пятик.

– А кто знает, зачем они вообще все делают? То пригонят овец и коров, то вдруг вырубят весь подлесок. Да какая разница? По мне, все же лучше иметь дело с человеком, чем с горностаем или лисой.

– Ну ладно, – сказал Орех. – Ты, Шишак, много узнал, и новости все хорошие. А мы тут как раз собрались начать. Рыть пора. Если я что-нибудь в чем-нибудь понимаю, дождь пойдет совсем скоро.

Самцы кроликов никогда, или почти никогда, не занимаются рытьем нор всерьез. Это естественная обязанность крольчих, которые готовят жилище, пока еще малыши не появились на свет, а кролики им помогают. Бывает, правда, что иногда самец-одиночка, которому не повезло найти пустующую нору, пытается вырыть хоть подобие укрытия, но обычно ничего хорошего не получается. А здесь, возле дуба, земля была голая, почва легкая, песчаная. Раза три вся компания принималась рыть не так и не там, где надо, но все же еще до ни-Фрита они вырыли какое-то подобие нор. Орех наблюдал за работой, помогая то одному, то другому и находя доброе слово для каждого. Время от времени он выбегал на край поля посмотреть, все ли спокойно. Один Пятик оставался ко всему безучастным. Работать он не захотел и то грыз траву возле канавы, то кидался бежать, словно услышав в лесу что-то страшное. Раза два Орех пытался с ним заговорить, но, не получив никакого ответа, почел за лучшее оставить брата в покое.

После ни-Фрита небо плотно заволокло тучами. Свет посерел, запахло приближавшимся с запада дождем. Синичка, которая в полдень порхала над куманикой и распевала свою песенку «Хей-хо, принеси мне помягче травки», теперь бросила заниматься воздушной акробатикой и скрылась в лесу. Орех сидел, ломая голову над тем, стоит ли начинать сейчас боковой коридор между норкой Шишака и Одуванчика, как вдруг совсем рядом услышал тревожный стук. Он резко обернулся. Барабанил Пятик, не отрывавший от поля глаз.

На противоположном склоне из подлеска выбежал кролик и сел возле зеленого кустика, не сводя глаз с наших друзей. Он сидел, навострив уши, не скрывая, что слух и нюх его целиком обращены к пришельцам. Орех встал, помедлил и снова уселся, так чтобы его было лучше видно. Чужак не шелохнулся. Не отводя от него взгляда, Орех почувствовал, как за спиной подошел и замер кто-то из своих. Помолчав, он позвал:

– Черничка?

– Черничка в норе, – откликнулся Плошка.

– Сходи-ка за ним.

А чужак все сидел неподвижно. Поднялся ветер, и в ложбине, отделявшей его от Ореха, наклонилась, зарябила трава. Издалека послышался голос Чернички:

– Орех, я тебе нужен?

– Я хочу пойти поговорить с тем кроликом, – сказал Орех. – Ты не пойдешь со мной?

– А мне можно? – спросил Плошка.

– Нет, Хлао-ру. Не стоит его пугать. Трое – это уже много.

– Осторожней! – крикнул им вслед Алтейка, когда они двинулись вниз по склону. – Может быть, он не один.

Временами русло ручья сужалось и было не шире кроличьей тропки. Дойдя до такого места, кролики одним скачком перемахнули на противоположный берег.

– Веди себя так, будто мы здесь дома, – велел Орех. – Засады, кажется, нет, на худой конец мы всегда успеем удрать.

Чужак сидел, не шелохнувшись, и лишь смотрел на приятелей во все глаза. Теперь и они смогли хорошенько его рассмотреть, какой он крупный, красивый и гладкий. Шерсть лоснилась, когти и зубы блестели. Но нападать он не собирался. Наоборот, во всей его позе была какая-то странная, неестественная расслабленность. Они остановились в нескольких шагах.

– Кажется, он не опасен, – шепнул Черничка. – Если хочешь, я подойду первый.

– Нет, давай вместе, – возразил Орех.

Но в эту секунду чужак сам пошел к ним навстречу. Они с Орехом соприкоснулись носами и обнюхали друг друга, безмолвно спрашивая: «Кто такой?» Запах у чужака был странный и все же довольно приятный. Орех даже подумал, что так наверняка пахнут хорошая пища, здоровье, покой – если не сказать праздность, – словно этот красавец явился из некой неизвестной, богатой страны, о которой Орех и слыхом не слыхивал. Это был настоящий аристократ, и, когда взгляд больших карих глаз незнакомца обратился к Черничке, Орех будто увидел себя со стороны – ободранный бродяга, вожак проходимцев. Он решил было не начинать разговор первым, но в молчании незнакомца было нечто такое, что он все же заговорил.

– Мы пришли из-за вересковой пустоши, – сказал Орех.

Чужак не откликнулся, но в его молчании не чувствовалось никакой враждебности. А вид у него при этом был до странного печальный.

– Ты живешь здесь? – помолчав, спросил Орех.

– Да, – откликнулся тот и добавил: – Мы видели, как вы пришли.

– Мы тоже будем здесь жить, – твердо заявил Орех.

Чужак не проявил к его словам никакого интереса.

– Как угодно. Мы так и подумали. Но кажется, вас слишком мало, чтобы устроить свое поселение, – сказал он после небольшой паузы.

Орех растерялся. Чужака явно ничуть не беспокоило, что здесь появились бродяги. Какое странное племя. И где же оно? Сколько гвардейцев сидит сейчас в лесочке, не спуская с них глаз? А вдруг они вздумают напасть? По виду чужака ничего не понятно. Взгляд у него спокойный, едва не скучающий, правда, кажется, дружелюбный. Его печаль и огромный рост, выхоленная шкурка и та неспешность, с которой он получал что хотел, его равнодушие к незнакомцам – все оказалось для Ореха неразрешимой загадкой. Если за всем этим что-то и крылось, то

он понятия не имел что. И на всякий случай решил правил своих не менять, но быть предельно искренним и понятным.

– Нас вполне хватит, чтобы защититься, – сказал он. – Мы не собираемся ни с кем враждовать, но если вдруг кто-нибудь попытается сунуть нос в наши дела…

Чужак мягко прервал его:

– Не тревожьтесь – мы рады вам. А сейчас, если вам пора вернуться к своим, то, если, конечно, вы не возражаете, я составил бы вам компанию.

И чужак побежал вниз по склону. Переглянувшись, Орех с Черничкой нагнали его и поскакали рядом. Двигался странный кролик легко, неторопливо и, в отличие от них, безо всякой опаски пересек поле. Орех был озадачен как никогда. Чужак нисколько не боялся, что кто-нибудь может напасть, оказаться сильнее, убить. Он шел один к компании сомнительных чужестранцев, но вот чего ради он так рисковал, Орех никак не мог взять в толк. «Наверное, – устало подумал он, – этот чужак потому такой большой да крепкий, что его гладкую шкурку не берут ни зубы, ни когти».

Когда все трое добрались до канавы, команда Ореха была в сборе и следила за их приближением. Молча Орех встал перед ними, не зная, что и сказать. Если бы чужак остался в подлеске, Орех просто рассказал бы все как есть. Если бы вместе с Черничкой они захватили его в плен, то поручил бы Серебряному или Шишаку сторожить незнакомца. Но тот явился сам, а теперь смотрит молча на своих спутников, осторожно выжидая, пока кто-нибудь заговорит первым. Как поступать в подобных случаях, Орех понятия не имел. И потому не он, а Шишак – как всегда, грубоватый, прямолинейный – разрядил напряжение.

– Кто это, Орех? – поинтересовался он. – Зачем он пришел сюда?

– Не знаю, – ответил Орех, стараясь говорить дружелюбно, но чувствуя себя при этом совсем по-дурацки. – Он сам захотел пойти с нами.

– Что ж, тогда проще его и спросить, – ухмыльнулся Шишак. Он придвинулся поближе к незнакомцу и принюхался, как раньше Орех. На него, видно, тоже подействовал запах столь откровенного благополучия, ибо Шишак заколебался, умолк, но потом грубо и резко спросил: – Кто ты такой и что тебе надо?

– Меня зовут Барабанчик, – ответил кролик. – Мне ничего не нужно. А вы, как я слышал, проделали долгий путь.

– Может, и долгий, – отрезал Шишак. – Но себя защитить пока еще в силах.

– Я в этом не сомневаюсь, – откликнулся Барабанчик, поглядев на ободранных, перепачканных в грязи кроликов с таким видом, что, мол, только вежливость не дает ему высказаться на этот счет. – Правда, от непогоды защититься непросто. Скоро пойдет дождь, а вы еще не закончили рыть норы. – И он повернулся к Шишаку, будто ожидая, что тот сейчас задаст следующий вопрос.

Шишак смутился и промолчал. Он понимал происходящее не лучше Ореха. В полной тишине слышен был только поднявшийся ветер. Над головами кроликов закачались и заскрипели дубовые ветви. Неожиданно вперед вышел Пятик.

– Нам непонятно, чего ты хочешь, – заявил он. – По-моему, лучше прямо сказать об этом и выяснить, в чем дело. Можно ли тебе доверять? Много ли здесь кроликов? Вот что мы хотим знать.

Напряженный голосок Пятика тронул Барабанчика не больше, чем все остальное. Он погладил с тыльной стороны лапой одно ухо и ответил:

– Я думаю, вы морочите себе голову пустяками. Но раз это так вас волнует, я отвечу: да. Нам доверять можно, мы никого не собираемся прогонять. Живем мы неподалеку. Правда, нас не так много, как хотелось бы. И с какой стати нам обижать вас? Травы тут на всех хватит.

Несмотря на странно равнодушный тон, говорил он так убедительно, что Орех устыдился.

– Мы столкнулись с большими опасностями, – попытался объяснить он, – и все новое нас пугает. В конце концов, вы ведь могли решить, будто мы собираемся увести крольчих или выгнать вас из нор, могли ведь испугаться.

Барабанчик серьезно выслушал Ореха, потом ответил:

– Что касается нор, про них я тоже хотел кое-что сказать. Норы у вас мелковаты и не слишком удобны. Так ведь? Входы с наветренной стороны. А надо сказать, ветер, как сегодня, бывает не часто. Сегодня он южный. Обычно же здесь дует западный – как раз куда смотрят у вас выходы. А в нашем городке места много, поэтому, если вы все же решитесь прийти, вам будут рады. Теперь извините, мне пора. Терпеть не могу дождь. Городок наш – за лесом напротив, сразу, как обогнете склон.

Барабанчик сбежал вниз по склону и перепрыгнул через ручей. Наши приятели смотрели ему вслед, пока он не добрался до подлеска и не исчез в зеленых зарослях орляка. Упали первые капли дождя, застучали по дубовой листве, покалывая розовую голую кожицу на внутренней стороне кроличьих ушек.

– А он славный. И крупный какой! – восхитился Алтейка. – Не похоже, чтобы у них тут была трудная жизнь.

– Что делать будем, Орех, что скажешь? – спросил Серебряный. – Он ведь дело говорит. Эти наши ямки, в них едва-едва спрячешься от дождя – и все. К тому же придется разделиться – всем вместе в одну нору не влезть.

– Сейчас прооем ход, – заявил Орех, – и между делом как раз и обсудим все, что он сказал. Пятик, Шишак, Черничка, давайте со мной. Остальные пусть подумают о себе сами.

Нора была мелкой, узкой и неудобной – двоим не разойтись. А если туда влезут четверо, придется им лежать, как бобам в стручке. Только сейчас Орех начинал понимать, с чем они решились расстаться. Дома каждый чувствовал себя в безопасности, норы и переходы со временем стали гладкими и удобными… Никаких тебе кочек, выбоин. Каждый клочок земли пропах кроликами – там чувствуется неодолимое течение кроличьего рода, которое властно и бережно увлекает с собой всех. Сколько трудов положили на это бесчисленные прапрабабушки и прапрадедушки. Все ошибки давно исправлены, что осталось – проверено временем. Ни дождь там не заливает, ни зимний мороз не пробирается вглубь городка. Из команды Ореха никто прежде в рытье по-настоящему не участвовал. То, что они сделали утром, было попросту ерундой; единственное, чего хотели беглецы, – выкопать небольшое укрытие, где можно хоть как-то спрятаться.

В непогоду быстрее всего обнаруживаешь недостатки жилища, особенно если оно чересчур тесное. Если вдруг вам случится оказаться в таком местечке, где можно сесть, лишь тесно прижавшись к соседу, то тогда вам представится полная возможность самому оценить все его достоинства. Шишак с обычной энергией принялся за работу, а Орех сел у входа, задумчиво глядя на рябенькую завесу бесшумного дождика, который уплывал все дальше и дальше по узкой долине меж двумя покрытыми подлеском склонами. Рядом, возле самого носа Ореха, блестела каждая травинка и каждая ветка папоротника, клонясь к земле под тяжестью стекающих капель. Воздух наполнился запахом прошлогодней дубовой листвы. Похолодало. Вишня посреди поля, под которой утром они отдыхали, стояла промокшая, с разодранной шапкой цветов. Пока Орех следил за дождем, ветер переменился, повернул к западу (как и предупреждал Барабанчик), и в нору влетели первые капли. Орех отодвинулся вглубь и прижался к приятелям. Снаружи приглушенно, словно издалека, доносился стук и шорох дождя. Серая пелена скрыла поле и лес, теперь опустевшие и притихшие. В листьях и травах замерла жизнь насекомых. Наступило время дрозду петь свою песню, но Орех не услышал его голоса. Он с друзьями – кучка грязных бродяг – сидели, прижавшись друг к другу, в сырой тесной яме в какой-то чужой земле. Даже спрятаться от непогоды им не хватило умения. И, скорчившись, кролики ждали, пока переменится ветер.

– Ну-ка, Черничка, – позвал Орех, – так что ты скажешь о нашем госте? Не хочешь ли прогуляться, посмотреть, как они живут?

– Ну, – ответил Черничка, – я вот что скажу. Пожалуй, единственный способ узнать, можно ли ему верить, – это сходить да посмотреть. По-моему, настроен он был дружелюбно. Но с другой стороны, если бы кто-то, испугавшись чужаков, решил заманить их в ловушку, то тогда он и начал бы с того, что послал к ним – а что, нет, что ли? – такого кролика, который умеет быстро расположить к себе. Может, нас и попытаются там прикончить. Но! Травы здесь, как говорил Барабанчик, и впрямь много, да и вряд ли хозяева здешних мест боятся, что мы выгоним их из нор или оставим без крольчих. Если у них все такие же рослые и крупные, как наш гость, они могут смело встречать толпу оборванцев. Наверняка они разглядели нас, когда мы появились. Мы тогда чуть не падали с ног от усталости. Самое время было им напасть. Или тогда, когда мы разделились, чтобы выбрать место. А нас никто не тронул. По-моему, они настроены дружелюбно. Мне только одно не дает покоя. *Зачем* мы им?

– Дураки потому и попадаются, что их легко провести, – произнес Шишак, который пытался сдуть с подсохших усов грязь, пуская со свистом воздух сквозь передние длинные зубы. – А мы и есть дураки, раз решили здесь остановиться. Может, и к лучшему, если нас проучат. Я-то не боюсь – могу пойти да выяснить, что и как. Если нас и впрямь решили надуть, то смогу доказать, что и я не прост. Но мне тоже не нравится этот дом. А спали мы последний раз вчера днем.

– Пятик, что скажешь?

– По-моему, лучше не связываться с этими кроликами. И убраться отсюда поскорей. Да что толку вам говорить?

Продрогший, промокший, Орех рассердился. Он привык, что решает Пятик, а теперь, когда ему нужна поддержка, как никогда, братец просто пытается сбить его с толку. Черничка дело говорит, да и Шишака поймет всякий, кто не трус. А Пятик, видно, вроде кузнечика – на одну трескотню и способен. Орех старался убедить себя в том, что Пятик говорит так лишь потому, что он обыкновенный недомерок, что все слишком изнервничались, измотались и им просто необходимо как следует отдохнуть. В эту минуту в дальнем углу норы посыпалась земля, обвалилась стенка, и в дыре показались голова и передние лапы Серебряного.

– А вот и мы, – бодро сказал Серебряный. – Орех, мы выполнили приказ – Алтейка роет с другой стороны. Но хотел бы я знать, что вы решили насчет – как его там? Дудочки? – нет, Барабанчика? Идем мы к ним или нет? Не сидеть же тут, как последним трусам, потому что нам, видите ли, страшно пойти и посмотреть, что там у них? Что они о нас подумают?

– Вот что я вам скажу, – произнес из-за его плеча Одуванчик. – Если Барабанчик соврал, там поймут, что мы испугались, и примут нас за трусливых и подозрительных остолопов, так что, если мы решили остаться, нам рано или поздно все равно придется встретиться с ними, и нет никакого смысла ходить вокруг да около, чтобы все узнали, как нам страшно.

– Не знаю, сколько их, – сказал Серебряный, – но ведь и нас немало. А кроме того, я не желаю все время держаться на расстоянии. Когда это кролики враждовали? Старина Барабанчик не побоялся же заявиться к нам.

– Вот и отлично! – обрадовался Орех. – Я и сам так думаю. Я лишь хотел узнать ваше мнение. Как, по-вашему, не лучше ли нам с Шишаком сходить на разведку, а потом доложить, как там?

– Нет, – возразил Серебряный. – Пошли все вместе. И раз уж мы решились идти, то, ради Фрита, сделайте вид, будто никто ничего не боится. Что скажешь, Одуванчик?

– По-моему, ты прав.

– Тогда пошли, – сказал Орех. – Зови остальных – и за мной.

В густеющем сумраке раннего вечера, чувствуя, как дождь покалывает глаза и кожу под хвостиком, Орех наблюдал за своими спутниками, которые один за другим выбирались из

норы. Осторожный, умный Черничка осмотрелся и только потом перепрыгнул через канаву. Шишак выскочил, радуясь предстоящему делу. Не торопясь вошел надежный Серебряный. Одуванчик, лихой рассказчик, заспешил так, что в два прыжка проскочил и канаву, и Ореха и только потом остановился. Следом высунул нос Алтейка, может быть самый чуткий и осторожный во всей компании. После выглянул Плошка и поискал глазами Ореха. И один за другим из норы выскочили Желудь, Дубок, Плющик – вполне сносные рядовые, если не заставлять их делать то, что им просто не под силу. Последним показался Пятик, приунывший, вялый, как воробей на морозе. Когда Орех повернулся к долине, тучи на западе немного разошлись и неожиданно блеснул слабый бледно-золотой луч солнца.

«О Эль-Ахрайрах! – подумал Орех. – Вон там живут кролики, к которым мы идем. Ты их знаешь не хуже нас. Сделай так, чтобы мое решение оказалось верным».

– Быстрей, Пятик! – произнес он вслух. – Мы ведь тебя ждем, здесь ветер.

Мокрый шмель закружил над цветком чертополоха, помахал крылышками и улетел в поле. Орех побежал вслед за шмелем по серебрившейся траве, оставляя в ней темный след.

13. Гостеприимство

И в сумерки они к чужой стране пристали,
Где сумеречный час как будто был всегда.
В тревожно-чутких снах дышала гладь морская,
Вздымался круг луны над сумраком долин.
А. Теннисон. Вкушающие лотос. Перевод К. Бальмонта

Добежав до опушки леса, который рос на противоположном склоне, друзья увидели, что дальше он под острым углом отступает в сторону. В лес врезалось поле, и вдоль межи – между деревьями и канавой – тянулся невысокий обрыв. Теперь кролики поняли, почему, возвращаясь, Барабанчик помчался к деревьям. Просто он бежал домой напрямик, через узкий клинышек леса. Здесь Орех остановился и огляделся. Широкая кроличья тропа вела из зарослей орляка к изгороди и дальше в поле. А на обрыве, на противоположной его стороне, отчетливо виднелись на голой земле темные пятнышки кроличьих нор. Никто из наших приятелей и представить себе не мог, чтобы норы были так заметны!

– О небо! – воскликнул Шишак. – Да ведь тут вся округа знает, где кроличий городок! Вы только на тропки в траве посмотрите! Может, кролики тут еще и поют по утрам, вроде дроздов?

– Наверное, их никто не трогает, вот они и не прячутся, – заметил Черничка. – В конце концов, и наш городок тоже был заметен.

– Да, но не настолько же! В такую нору два хрудудиля пройдут!

– Я-то уж во всяком случае, – сказал Одуванчик. – Я ужасно промок.

Когда друзья подошли ближе, из канавы вынырнул крупный кролик, метнул на них быстрый взгляд и исчез на склоне среди травы. Через несколько секунд оттуда выскочили еще двое и сели, поджидая пришельцев. Они были гладкие, рослые – просто на удивление.

– Кролик по имени Барабанчик обещал дать нам здесь приют, – сказал Орех. – Вы, наверное, и сами знаете, что он к нам ходил?

Оба кролика головой и передними лапами произвели какие-то странные, похожие на танец движения. Но ни Орех, ни его приятели никаких ритуальных жестов, кроме обнюхивания, не знали. Они растерялись, им стало неловко. «Танцоры» постояли молча, дожидаясь ответа, но ответа так и не последовало.

– Барабанчик в большой норе, – наконец сказал один из них. – Будьте любезны, последуйте за нами.

– Кто должен с вами идти?

– Как кто? Все, конечно, – удивленно ответил второй. – Вы же не хотите торчать под дождем?

Орех думал, что его – ну, может быть, вместе с кем-то еще – доставят к старшине и что им, скорее всего, окажется не Барабанчик, ибо тот приходил к ним без сопровождающих. А теперь он решил, что всех сразу же разведут по разным местам. Это больше всего и пугало Ореха. По пути он с изумлением обнаружил, что подземная часть городка просто невероятно огромна и все без труда могут поместиться в одной норе. Но даже это не изменило серьезного настроя, с каким он продолжал во всех деталях продумывать порядок встречи со старшиной. Плошке он велел встать сразу за собой. «Малышу будет не так страшно со мной рядом, а мне, если все же на нас нападут, – легче его защитить», – подумал он. Шишака он попросил прикрывать тыл. «Вдруг что-нибудь случится, тогда выведешь всех, кого сможешь», – сказал он. После чего вслед за провожатыми друзья вошли в одну из нор.

Коридор был сухой, широкий и гладкий. Очевидно, сюда сходились боковые ходы. Провожатые двигались быстро, и Орех не успевал все обнюхать. Неожиданно он остановился. Он

вдруг перестал чувствовать стены. Ни усы, ни шкурка земли не касались. Потолок тоннеля ушел вверх – Орех даже ощущал движение воздуха над головой. По бокам встали несколько чужаков. Ореху раньше и в голову не приходило, что под землей может хватить места, чтобы с трех сторон окружить кролика. Он шарахнулся, наткнулся на Плошку. «Ну и дурак же я! – подумал Орех. – И зачем я поставил сюда его, а не Серебряного?» В ту же секунду раздался голос Барабанчика. Орех даже подпрыгнул на месте, так как понял по голосу, насколько тот далеко. Они были в огромной пещере.

– Это ты, Орех? – спросил Барабанчик. – Добро пожаловать. Хорошо, что вы все же пришли.

Ни один человек, если он не слепой, не сможет сориентироваться в незнакомом и темном месте – другое дело кролики. Полжизни проводят они под землей в полной или почти полной темноте и по запаху, звукам, прикосновениям узнают не меньше, чем мы на свету. Орех быстро сообразил, где находится. И если бы ему пришлось вернуться сюда через целых полгода, он сразу узнал бы это место. В жизни не встречал он ничего подобного: в теплой норе, вырытой под песчаным обрывом, голый пол был сухой и твердый; три корня какого-то дерева тянулись по потолку и служили перекрытиями. Кроликов здесь было много – намного больше, чем привел Орех. И от всех, как и от Барабанчика, исходил запах благополучия, изобилия.

Барабанчик сидел на другом конце пещеры, и Орех знал, что тот ждет ответа. Еще не все из его команды выбрались из тоннеля – он слышал шарканье и царапанье. Орех растерялся: надо ли соблюдать здесь свои правила? называться ли старшиной? В подобных вещах он не разбирался. Вот Треарах – тот точно знал бы, как поступить. Орех не хотел попасть впросак и подвести товарищей. Он решил, что лучше быть откровенным и дружелюбным. В конце концов, у них будет масса времени, когда они расположатся в городке, чтобы показать незнакомцам, что ничуть не хуже их, и поэтому не стоит нарываться на неприятности, напуская на себя важный вид.

– Мы рады найти приют в непогоду, – начал Орех. – Мы такие же кролики, как и вы, и нам легче среди своих. Когда мы встретились в поле, ты, Барабанчик, сказал, что племя у вас небольшое, но мы видели норы на склоне и думаем, что ваше племя должно быть большим и прекрасным.

В конце этой речи Орех услышал, как в пещеру вошел Шишак. Теперь вся компания в сборе. Правда, похоже, он взял неверный тон: хозяевам такая похвала почему-то пришлась не по вкусу. Может, их совсем не так уж много? Может, здесь была эпидемия? Но не только запаха – даже намека нет на болезнь. Перед Орехом сидели самые крупные и здоровые кролики из всех, каких ему только довелось встретить за свою жизнь. Может быть, это молчание, эта дрожь, пробежавшая по их спинам, не имеют к его словам ни малейшего отношения? Может, просто он плохо говорил и хозяева догадались, что вожак он неловкий и этикета не знает. «Ну и пусть, – подумал он. – После вчерашней ночи в своих я уверен. Если бы мы и вправду были растяпы, то вообще тут не оказались бы. Просто эти ребята пока нас не знают. Во всяком случае, не похоже, чтобы они рассердились».

Больше никто ничего не сказал. У кроликов есть свой порядок, свои правила, правда, церемоний у них намного меньше, чем у людей. Будь Орех человеком, то обязательно представил бы каждого своего спутника, и, уж конечно, встречали бы их как гостей. Но в большой пещере все шло по-другому. Ведь животные общаются просто. Они никогда не заговорят только ради того, чтобы поговорить, как это делают люди, следуя своим надуманным правилам, да еще собаки и кошки. Это не значит, что дикие животные не общаются друг с другом вовсе, они лишь не любят пустословия. Кролики – все, кто собрался в пещере, и хозяева, и пришельцы, – изучали друг друга, каждый по-своему, ничуть не заботясь о времени. Они выясняли, кто чем пахнет, кто как движется, дышит, чешется, у кого как колотится сердце. Это было у них и предметом, и темой для обсуждения, для которого не нужны слова. Но, преследуя

свои нехитрые цели, любой чувствует общее настроение куда лучше, чем люди. Он улавливает мгновенно, чем кончится встреча – миром или дракой. Если же драка началась, соотношение сил меняется в пользу то одних, то других до тех пор, пока не становится ясен исход, а потому и гости, и хозяева, сгрудившись в темноте пещеры, сначала сблизились робко и молча, едва-едва касаясь друг друга, потом – доверяя лишь собственной шкуре – сели, тесно прижавшись, бок о бок, медленно поворачиваясь – словно земное полушарие к лету – в теплую, ясную область всеобщей любви и согласия. Недалеко от Ореха Плошка уже спокойно устроился между двумя огромными кроликами, каждый из которых мог переломить ему хребет в мгновение ока. А Барабанчик с Алтейкой затеяли шутливую потасовку и с видом до смешного серьезным начали чесать себе за ухом, то покусывая друг друга – точь-в-точь котята, – то отскакивая в разные стороны. Только Пятик сидел в стороне. Он казался не то больным, не то чересчур подавленным, и хозяева инстинктивно его сторонились.

Осознание того, что его товарищи в безопасности, пришло к Ореху, когда он вспомнил, как увидел голову и лапы Серебряного, прорывшего ход в их нору. И Ореху сразу стало тепло и уютно. Орех пересек пещеру и примостился рядом с кроликом и крольчихой, такими же огромными, как и Барабанчик. И когда те поднялись и медленно поскакали к боковому ходу, Орех двинулся следом, и вскоре все трое выбрались из пещеры. Через некоторое время они оказались в норе поменьше и глубже под землей. Эта пара, наверное, там жила. Кролики сразу удобно устроились и не стали возражать, когда Орех тоже нашел для себя удобный уголок. Все какое-то время сидели молча под впечатлением от встречи.

– Барабанчик у вас старшина? – наконец спросил Орех.

– А ты у своих старшина? – вопросом на вопрос ответил кролик.

Орех не знал, что делать. Если сказать, что да, вдруг его новые друзья вздумают так к нему обращаться. Орех представил, как на это отреагируют Серебряный и Шишак. Наконец, как всегда, он решил объяснить все честно.

– Нас ведь совсем немного, – начал он. – Мы покинули наш городок в спешке, спасаясь от грозящих бедствий. Идти почти никто не захотел, и старшина тоже. Я попытался спасти друзей сам и вывел сюда, но не знаю, старшина я для них или нет.

«Теперь он должен спросить кое о чем, – подумал Орех. – „Почему вы сбежали? Почему другие остались? Чего вы испугались?“ Что тогда отвечать?»

Но когда хозяин заговорил, Орех понял, что тому либо их история неинтересна, либо у него есть какие-то свои причины не задавать вопросов.

– У нас нет старшины, – сказал кролик. – Познакомиться с вами – это была идея Барабанчика. Вот он и пошел к вам в гости.

– А кто же решает, что делать, если появится элиль? Если надо рыть норы, или идти в разведку, или еще что-нибудь?

– Ничего мы такого не делаем. Элилей здесь нет. Правда, прошлой зимой появилась хомба, но ее убил из ружья человек, который живет за полем.

Орех уставился на него во все глаза.

– Разве люди убивают хомбу?

– Во всяком случае, *этот* человек *эту* хомбу убил. Он и сов убивает. А нор мы не роем. За мою жизнь никто этим не занимался. У нас и так их полно. Ты же сам видел: в одной части живут крысы, но человек их гоняет, как только может. На разведку мы тоже не ходим. Еды у нас больше, чем в любом другом месте. Твои друзья будут счастливы, что попали сюда.

Но по его голосу никак нельзя было сказать, что сам он счастлив. Орех почувствовал странную неловкость.

– А где человек… – начал было он.

– Меня зовут Земляничка, – перебил его хозяин. – А это моя жена Нильдро-хэйн[8]. Здесь рядом есть несколько хороших пустующих нор. Если твои друзья решат у нас обосноваться, я покажу тебе, где это. Большая пещера у нас потрясающая, правда? По-моему, мало у кого найдется такая нора, где можно собраться всем вместе. Крышу поддерживают корни дерева, а само дерево задерживает влагу во время дождя, и у нас всегда сухо. Странно, конечно, что дерево не болеет, но это так.

Орех понял, что Земляничка заговорил об этом, только чтобы увильнуть от расспросов. Это было немного странно и немного неприятно.

«Ну и пусть, – подумал он. – Если наши все дорастут до таких размеров – что же в этом плохого? Кормежка тут наверняка отличная. И жена у него замечательная. Может быть, здесь и другие не хуже».

Земляничка, а следом и Орех двинулись из норы по ходу, ведущему еще глубже вниз, под лесные деревья. Городок был действительно необыкновенный. Временами, когда они пересекали ход, шедший наверх, Орех слышал непрекращающийся шум ночного дождя. Но хоть тот и лил уже несколько часов подряд, здесь, в глубине переходов и нор, не чувствовалось ни холода, ни сырости. И система стоков, и вентиляция тут были лучше, чем дома. Иногда мимо пробегали кролики. Один раз Орех наткнулся на Желудя, которому хозяева, наверное, тоже решили показать местные достопримечательности.

– Они очень дружелюбные, правда? – выпалил Желудь, едва завидев Ореха. – Я и не мечтал найти такое место. Мне тут ужасно нравится, Орех.

Земляничка вежливо приотстал, чтобы друзья поговорили, и Орех невольно обрадовался тому, что тот их слышит.

Потом они вновь двинулись вперед, осторожно обогнули несколько переходов, откуда пахнуло крысами, и наконец остановились возле какой-то ямки. Отсюда тоннель поднимался прямо вверх. Обычно кроличьи ходы прорыты дугой, но этот был прямой, как труба, и Орех увидел над головой на фоне ночного неба ветки дерева. Он догадался, что одна стена здесь твердая и сделана из какой-то прочной породы. Поколебавшись, Орех понюхал ее.

– Не знаешь, что это такое? – удивился Земляничка. – Это кирпичи – такие камни, из которых люди делают себе дома и амбары. Здесь был когда-то колодец, но теперь его засыпали – людям он не нужен. Это наружная сторона стенки. А земляная стена ровная потому, что люди зачем-то тут рыли землю, но я точно не знаю зачем.

– А что это в нее воткнуто? – поинтересовался Орех. – Эй, да это камни в земле! Но зачем?

– Тебе нравится? – спросил Земляничка.

Орех озадаченно смотрел на голыши. Одинаковой величины, они были вдавлены в землю на одинаковом расстоянии друг от друга. Он ничего не понимал.

– Что это? – повторил он свой вопрос.

– Эль-Ахрайрах, – сказал Земляничка. – Это работа кролика, которого звали Ракитник. У нас и еще есть, но эта лучше всех. Правда, на нее стоит посмотреть?

Орех растерялся как никогда. Он ни разу в жизни не видел ракитника, но имя, означавшее на кроличьем языке «ядовитое дерево», его ошарашило. Не могли же кролика звать Ядовитым? И как это камни могут быть Эль-Ахрайрахом? Что все это значит? В смятении Орех признался:

– Я ничего не понимаю.

– Мы называем такие работы «Очертания», – пояснил Земляничка. – Ты никогда ничего подобного не видел? Это «Очертание Эль-Ахрайраха». Оно выложено камешками на стене. Смотри: кража королевского салата. Об *этом-то* ты знаешь?

---

[8] Песнь дрозда. *(Примеч. автора.)*

С той минуты, когда на берегу Энборна Черничка заговорил про плот, ни разу еще Орех не чувствовал себя обескураженным до такой степени. Ясно ведь, что камни не имеют ни малейшего отношения к Эль-Ахрайраху. Земляничка мог с тем же успехом сказать, будто его хвост – ствол дуба. Орех еще раз понюхал голыши, потрогал лапой.

– Осторожно, осторожно, – забеспокоился Земляничка. – Еще испортишь. А за это у нас не похвалят. Ничего. Потом еще раз сюда вернемся.

– Но где?.. – начал Орех, и Земляничка снова перебил его:

– Думаю, ты уже проголодался. Я-то очень хочу есть. Дождь, конечно, зарядил на всю ночь, но, знаешь ли, можно поесть и в норе. Обратно мы пойдем дорогой покороче. Есть тут одна, почти прямая. На самом деле она проходит…

И весь обратный путь Земляничка болтал без умолку. Неожиданно Ореху пришло в голову, что его всякий раз отчаянно перебивают, если вопрос начинается со слова «где?». И решил проверить. Через некоторое время Земляничка закончил свою речь:

– А сейчас мы рядом с большой пещерой, но подходим с другой стороны.

– А где?.. – начал Орех.

И Земляничка немедленно свернул в боковой ход и позвал:

– Калужница! Ты спустишься в пещеру? – (Никто не ответил.) – Странно! – сказал Земляничка, вернувшись и продолжив путь. – Обычно в это время он дома. Я, знаешь ли, часто за ним захожу по дороге.

Орех приотстал и подвигал усами и носом. На пороге норы лежал слой нападавшей за день с потолка мягкой пыли. В ней остались отчетливые следы Землянички, а других не было.

14. Как деревья в ноябре

Двор и военный лагерь – только там и можно изучать жизнь… Надо уметь подхватить общий тон.
Ф. Честерфилд. Письма к сыну

В большой пещере почти никого не было. И они сразу увидели Нильдро-хэйн. Крольчиха сидела в компании трех-четырех приятельниц, спокойно о чем-то беседуя и, похоже, успев плотненько перекусить. Пахло зеленью. Наверное, еду здесь хранили в норах, как Треарах салат. Орех задержался поболтать с Нильдро-хэйн. Она спросила, дошли ли они до колодца и Эль-Ахрайраха.

– Да, дошли, – сказал Орех. – Но по-моему, я не все понял. Я восхищаюсь вами и вашими друзьями больше, чем той каменной стенкой.

Сказав это, Орех заметил, что появившийся в пещере Барабанчик тихо беседует с Земляничкой. «Он никогда не видел „Очертания“, – донеслось до Ореха. – Что ж, для нас это не имеет значения».

Орех неожиданно почувствовал, как устал и несчастен. Из-за гладкой могучей спины Барабанчика он услышал голос Чернички и поспешил навстречу.

– Пошли на травку, наверх, – тихо сказал он. – И позови остальных.

В эту минуту Барабанчик обернулся.

– Ты уже проголодался? Я покажу, где у нас еда.

– Мы тут собрались небольшой компанией наверх, на силфли[9].

– О, там ведь слишком сильный дождь, – произнес Барабанчик таким тоном, будто не допускал возражений. – Вы поедите здесь.

– Мне не хотелось бы спорить, – твердо сказал Орех, – но нам нужно на силфли. Мы так привыкли, и дождь нам не помеха.

Кажется, Барабанчик на мгновение растерялся. Потом рассмеялся.

Смех незнаком животным; хотя, возможно, слоны и собаки все же умеют улыбаться. Но Черничку с Орехом смех ошеломил. Первой мыслью Ореха было, что Барабанчик болен. Черничка же принял его за боевой клич и попятился назад. Барабанчик, ничего не ответив, продолжал хохотать, а у наших приятелей кровь застыла в жилах. Они кинулись прочь по первому же ведущему наверх ходу, будто за ними гнался хорек. На полпути им попался Плошка – он был такой маленький, что приятели пронеслись, даже не задев его, а он развернулся и побежал следом.

Мерно падал дождь. Ночь была чересчур темной и холодной для мая. Все трое присели в траве и принялись за еду, а дождь стекал струйками по шерстке.

– Господи, Орех, – сказал Черничка, – ты что, действительно хочешь есть здесь? Жуть какая. Я-то решил подкрепиться из хозяйских запасов, а потом поспать… В чем дело?

– Не знаю, – ответил Орех. – Я вдруг почувствовал, что должен немедленно уйти оттуда и мне нужна твоя компания. Теперь понимаю, почему заволновался Пятик, но он что-нибудь придумает, я уверен. В здешних кроликах есть нечто странное. Ты знаешь, они камни втыкают в землю.

– Они… Что они делают?

Орех рассказал. Черничка был озадачен не меньше Ореха.

– А я тебе вот еще что скажу, – начал Черничка. – Шишак почти угадал. Они здесь еще и поют, как птицы. Я попал в нору к Буковице. У них дети, и его жена чирикала над ними,

[9] *Силфли* – вылазка на поверхность, чтобы поесть. *(Примеч. автора.)*

как малиновка осенью. Мне она объяснила, что это для того, чтобы крошки уснули. Не могу сказать, до чего мне это не понравилось.

– А ты что скажешь, Хлао-ру? – спросил Орех.

– Они милые, добрые, – отвечал Плошка, – но кое-что мне показалось странным. Они все ужасно печальные. Понять не могу почему; они такие сильные, такие большие, у них такой дом. Но они как деревья в ноябре. Знаю, Орех, я говорю глупости. Ты привел нас сюда, а это значит, что здесь все хорошо и безопасно.

– Нет, это не глупости. Сам я не задумывался об этом, но ты точно прав. У всех у них такой вид, будто их что-то гнетет.

– В конце концов, – сказал Черничка, – мы ведь так и не узнали, почему их так мало. И много пустых нор. Может быть, у них случилась какая-то беда, потому все так и печальны.

– Мы ничего не знаем, потому что они сами не желают ничего рассказывать. Но если мы хотим здесь остаться, нужно выяснить все до конца. Драку затевать бессмысленно – слишком уж они большие. Доводить до того, чтобы они на нас накинулись, тоже не хочется.

– А по-моему, они не *умеют* драться, – произнес Плошка. – Не похожи они на драчунов, хоть и большие. Не то что Шишак или Серебряный.

– Ты многое замечаешь, Хлао-ру, – сказал Орех. – А вот что дождь припустил, ты заметил? Я наелся. Пошли-ка вниз, но давайте не отходить далеко друг от друга.

– Как насчет поспать? – поинтересовался Черничка. – Мы не спали всю ночь и весь день, и я промок насквозь.

Они спустились другим ходом, нашли сухую пустовавшую нору и свернулись одним клубком, согревая друг друга теплом своих уставших тел.

Когда Орех проснулся, то по запаху сразу сообразил, что уже утро и взошло солнце. В нору долетал сильный аромат яблоневого цвета. Потом Орех уловил запахи послабее – лютиков и лошадей. И еще один, примешавшийся к ним, незнакомый. Орех даже слегка растерялся, не понимая, что это такое. Страшный, неприятный, неестественный запах дыма был совсем близко, словно что-то горело. Потом Орех вспомнил, как Шишак, вернувшись вчера из разведки, рассказывал о маленьких белых палочках в траве. Это они так пахли. Наверху по земле прошел человек. Наверное, оттого Орех и проснулся.

Орех лежал в теплой темной норе, и его охватило изумительное чувство защищенности. Он может почуять запах человека. А вот человек не может почуять его, Ореха, запах. Все, что *этот* человек мог почуять, так это отвратительную вонь дыма, который сам же и выпустил. Орех погрузился в мысли об «Очертании» на стене колодца, а потом провалился в дремоту, и ему приснился сон, где Эль-Ахрайрах сказал, что это его проделка, это он притворился ядовитым Ракитником и воткнул камешки в землю, чтобы отвлечь внимание Земляничек, а пока тот разглядывал «Очертание», Эль-Ахрайрах познакомился с Нильдро-хэйн.

Плошка заворочался, повернулся во сне на другой бок, пробормотав: «Марли, и сайн нарн?» («Мама, а крестовник хороший?») У Ореха мелькнула мысль, что, наверное, тому снится дом, и подвинулся так, чтобы Плошка улегся удобней. В ту же минуту он услышал, как где-то рядом по тоннелю бежит кролик. Тот барабанил изо всех сил и звал кого-то, как показалось Ореху, довольно странно. Голос, как сказал и Черничка, чем-то напоминал птичью трель. Когда кролик был уже рядом, Орех расслышал слово «флирах».

– Флирах! Флирах!

Кричал Земляничка. Плошка и Черничка проснулись – скорей от топота, чем от крика: тонкий и непривычный голос не вызвал тревоги у спящих. Орех выскользнул из норы и неожиданно встал перед Земляничкой, который деловито молотил задней ногой по твердому земляному полу.

– Моя мать всегда в таких случаях говорила: «Хорошо, что ты не лошадь, не то потолок рухнул бы», – сказал Орех. – Ты зачем стучишь под землей?

– Чтобы разбудить остальных, – ответил Земляничка. – Дождь лил всю ночь. Обычно в плохую погоду мы спим допоздна. Но сегодня утро замечательное.

– А все же зачем их будить?

– Ну, тут прошел человек, и мы с Барабанчиком решили, что ради флираха стоит проснуться пораньше. Если не поторопиться, появятся крысы и грачи, а я не люблю драться с крысами. Хотя, возможно, для таких любителей приключений, как вы, – это пара пустяков.

– Не понимаю.

– Ладно, иди за мной. Я хочу сбегать за Нильдро-хэйн. У нас, понимаешь, сейчас нет малышей, поэтому она тоже пойдет с нами.

По всем переходам уже бежали кролики. Земляничка несколько раз заговаривал с кем-то и повторял, что хотел бы сводить за поле новых друзей. Он все больше и больше нравился Ореху. Вчера Орех слишком устал и растерялся, чтобы как следует оценить нового знакомого. Но теперь, хорошенько выспавшись, он решил, что его новый друг поистине безобидный и замечательный парень. Его трогала преданность Землянички очаровательной Нильдро-хэйн, нравились чувство юмора и любовь к забавам. Выйдя на воздух, окунувшись в майское утро, Земляничка перескочил через канаву и исчез в высокой траве, беспечный, как белка. Печаль, так напугавшая вчера Ореха, кажется, исчезла вовсе. Сам Орех задержался на выходе – как дома, под куманичным пологом – и оглядел долину.

За подлеском вставало солнце, и длинные тени деревьев, падая к юго-западу, перечеркивали поле. Поблескивала влажная трава, а орешник неподалеку радужно сиял, мерцая и переливаясь, когда его трогало легким ветром. Вода в ручье поднялась, и чуткое ухо Ореха уловило изменившийся за ночь звук – звук стал ниже, ровнее. Между ручьем и подлеском склон усеяли лиловые сердечники – они стояли в траве отдельно друг от друга, покачивая нежными шапочками цветов над разлапистыми светлыми листьями. Ветер замер, и вся маленькая долина, окаймленная с обеих сторон лесом, лежала, не шелохнувшись, греясь в косых лучах света. И в ясный этот покой, словно перышко в заводь, упал голос кукушки.

– Все в порядке, Орех, – послышался за спиной голос Барабанчика. – Знаю, вы привыкли выходить с оглядкой, а мы всегда выбегаем сразу.

Орех не собирался менять свои привычки или выполнять указания Барабанчика. Но в спину его никто не толкал, а препираться из-за ерунды не хотелось. Он перескочил канаву и еще раз огляделся. Несколько кроликов уже неслись через поле к дальней изгороди, пестревшей белыми пятнами майских цветов. Орех увидел Шишака и Серебряного и побежал к ним, на каждом шагу, словно кот, отряхивая от росы передние лапы.

– Орех, надеюсь, вчера твои друзья позаботились о тебе не хуже, чем о нас вот эти ребята, – сказал Шишак. – Мы с Серебряным были просто как дома. Если хочешь знать мое мнение, я считаю, что тут даже лучше, чем там, у нас. И если Пятик ошибся и с нашими все в порядке, я все равно его не попрекну. Ты ведь тоже идешь поесть?

– А ты не знаешь, в чем тут дело с этой кормежкой? – спросил Орех.

– Тебе еще не сказали? Там, в поле, должен быть флирах. Они ходят туда чуть не каждый день.

Как известно, обычно кролики едят траву. Но есть одно лакомство, ради которого они готовы бежать куда угодно, даже на огород, – это кресс-салат или морковка, то есть флирах.

– Флирах? Разве уже не поздно лезть в огород? – удивился Орех, поглядывая на просвечивавшие меж деревьев далекие крыши фермы.

– Нет-нет, – ответил, услышав Ореха, один из местных кроликов. – Флирах нам оставляют в поле, обычно у брода. Мы или съедаем все на месте, или уносим с собой, или делаем и то и другое. Но сегодня обязательно надо что-нибудь принести. Дождь вчера лил долго, наверх никто не выходил, и мы съели почти все запасы.

Там, где у зеленой изгороди ручей пересекал широкую тропу, был коровий брод. Вода после дождя поднялась и наполнила ямки, оставленные копытами. Кролики обходили их стороной, а за изгородь пробирались чуть подальше, возле скрюченной старой кислицы. За ней в зарослях ситника виднелась выгородка – столбы, перекладины – высотой в половину человеческого роста. Между столбиками цвела калужница и спешил себе дальше ручей.

На краю пастбища Орех увидел разбросанные красновато-коричневые и оранжевые брусочки: одни были гладкие, другие – с хвостиками, светло-зелеными султанчиками, отчетливо выделявшимися на темной траве. От брусочков шел острый и терпкий запах, словно их только что сняли с грядки. Запах звал. У Ореха потекли слюнки, и он остановился, чтобы «хракануть». Барабанчик, который бежал рядом, повернулся к нему со своей странной улыбкой. Но теперь Орех, увлеченный запахом, не обратил на нее внимания. Подчиняясь властному зову, он пролез через изгородь и оказался прямо перед оранжевой россыпью. Он подошел к первому брусочку, понюхал и надкусил. Это была морковь.

За свою жизнь Ореху довелось попробовать немало разных кореньев, но морковку он ел дома только раз, когда лошадь, тянувшая по тропинке телегу, просыпала несколько морковин из торбы у себя под носом. Здесь морковь была старая, наполовину изъеденная жучками или мышами. Но кроликам и она казалась благоуханной роскошью, пиршеством, ради которого можно забыть обо всем на свете. Орех кусал, грыз, жевал, и от вкуса этой нежданно дарованной благодати на него накатывало ощущение счастья. Он скакал в траве, обнюхивал одну морковину за другой, грызя зелень вместе с корнеплодом. Никто ему не мешал. Хватало, похоже, на всех. Время от времени он инстинктивно останавливался, чтобы послушать ветер, и почти забыл об осторожности. «Если прибежит лиса… Ну и что, – думал он. – Буду драться. Надоело уже постоянно убегать. Да и куда тут убежишь? Ах, вот так земля! Вот так племя! Ничего удивительного, что ростом они не меньше зайцев, а пахнут как принцы!»

– Привет, Плошка! Наедайся по самые уши! Не дрожать тебе больше по берегам всяких речек, приятель!

– Через пару недель он вообще забудет, что такое дрожать, – проговорил с набитым ртом Дубок. – Мне так тут нравится! Я пойду за тобой, Орех, куда угодно. Вчера ночью, в вереске, я был не в себе. Когда негде укрыться, все плохо. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Я уже забыл об этом, – ответил Орех. – Пойду-ка спрошу Барабанчика, как мы будем переносить все это добро в городок.

Барабанчика он отыскал у ручья. Тот, наверное, уже наелся и теперь умывался передними лапками.

– Здесь что, каждый день так? – спросил Орех. – А где?.. – И он вовремя оборвал сам себя. «Учусь», – подумал он.

– Ну, коренья-то не всегда, – откликнулся Барабанчик. – Ты заметил, что они прошлогодние? Наверное, выбросили остатки. Бывает, выбрасывают коренья, бывает – зелень или старые яблоки. Когда как. Иногда ничего, особенно летом в хорошую погоду. Но в плохую погоду, зимой, почти всегда что-нибудь да найдется. Брюква, капуста, зерно какое-нибудь. Мы ведь и зерно сгрызем, как ты понимаешь.

– Значит, еду здесь найти несложно. Тогда вся долина должна просто кишмя кишеть кроликами. По-моему…

– Если ты наелся, – перебил Барабанчик, – и не торопишься, задержись немного – поучишься носить. Такую морковку таскать легко – легче только салат. Ее просто берешь в зубы, несешь в городок и складываешь в большой пещере. Я обычно беру сразу по две, но у меня большой опыт. Конечно, ты, как и все, никогда не делал запасов, но быстро научишься. Склад иметь полезно. Еда нужна крольчихам для малышей, а в плохую погоду это всем удобно. Пошли. Если поначалу тебе покажется трудно, я помогу.

Ореху не сразу удалось схватить полморковки, но потом он все же исхитрился и по-собачьи понес ее через поле и дальше к норам. Несколько раз он останавливался и бросал ношу на землю. Но рядом бежал Барабанчик, а Ореху хотелось показать, что и у пришельцев вожак не лыком шит. У входа в одну из больших нор он попросил Барабанчика задержаться, и они вместе смотрели, как справляются остальные. Похоже, все просто лезли из шкуры вон, хотя Плошке пришлось туговато.

– Смелей, Плошка! – крикнул Орех. – Думай о том, с каким удовольствием ты съешь ее вечером. Пятику тоже не легче: он не больше тебя.

– А я не знаю, где он, – ответил Плошка Ореху. – Ты его не встречал?

Только теперь Орех сообразил, что давно не видел Пятика, и заволновался. Они с Барабанчиком побежали назад через поле. По дороге Орех, как умел, рассказал о своем несколько своеобразном братце.

– Хотелось бы думать, что с ним все в порядке, – заметил он. – Отнесем еще пару морковок, а потом поищем. Как ты думаешь, где он может быть?

Орех ждал ответа, но Барабанчик молчал, а потом сказал:

– Смотри-ка, видишь, сколько галок собралось возле морковки? Они уже несколько дней здесь торчат. Нужно послать кого-нибудь отогнать, чтобы не мешали работать. Правда, галки большие, это не так-то просто. А ласточки…

– Какое они имеют отношение к Пятику? – резко перебил его Орех.

– Нет, лучше я сам их погоняю, – решил Барабанчик, срываясь с места.

Но он поскакал не к галкам. Орех видел, как Барабанчик подобрал очередную морковину и отправился домой. Рассерженный Орех присоединился к Алтейке с Одуванчиком, и они вместе побежали к норам. Вдруг на склоне он заметил Пятика. Орех бросил морковку, вскарабкался наверх и устроился рядом с братом на голой земле под густыми нависшими ветками. Пятик молча смотрел куда-то за поле.

– Пятик, ты не хочешь научиться носить морковку? – наконец спросил Орех. – Это не так трудно, нужно только половчей захватить лапами.

– Я не хочу иметь к этому никакого отношения, – ответил Пятик охрипшим голосом. – Вы похожи на собак, на собак с поноской.

– Пятик! Ты что, хочешь меня разозлить? Но я не собираюсь ссориться из-за твоих глупых обзывалок. Мы просто помогаем нашим хозяевам.

– Это *мне* нужно сердиться, – заявил Пятик. – Беда в том, что я этого не умею. Меня никто не слушает. Половина наших считает меня сумасшедшим. И в этом виноват ты, Орех, потому что ты-то знаешь: никакой я не сумасшедший, а слушать меня все равно не хочешь.

– Значит, это место тебе и сейчас не нравится? А я говорю, ты ошибаешься. Никто не бывает прав всегда. И ты тоже. Разве ты не можешь ошибаться, как любой из нас? Дубок ошибался там, на вересковой пустоши, а ты сейчас.

– А они? Носятся в поле со своей поклажей, как белки с орехами. Они, по-твоему, нормальные?

– Я сказал бы, что они позаимствовали у белок отличную идею, и потому они лучше нас.

– Значит, ты думаешь, что человек оставляет здесь коренья, потому что такой добрый? А ты спросил себя: что у него на уме?

– Он просто выбрасывает сюда всякое старье. Сколько раз любому из нас случалось подкрепиться на мусорной куче возле людского жилища! То вялым салатом, то старой репкой. Ты же сам знаешь – это всякий съест, если найдет. И могу тебе точно сказать, Пятик, я тут пока не отравился. А если бы человек хотел кроликов пострелять, сегодня утром у него была такая возможность. Но ведь он не стал стрелять.

Пятик прижался к земле и показался Ореху совсем крохотным.

– Дурак я, что пытаюсь тебя убедить, – с горечью произнес он. – Орех, милый мой Орешек, но я просто *знаю:* тут что-то не так, над этим местом нависло зло. Я только не знаю какое, потому мне и трудно об этом говорить. Но я вот-вот догадаюсь. Помнишь, как ты поддал носом проволочную сетку возле яблони, отодвинул ее, но коры попробовать тебе так и не удалось. Вот и мне сейчас никак не ухватиться. Я хочу посидеть один, может, так я быстрее додумаюсь.

– Эх, Пятик, ну почему ты не хочешь меня послушать? Поешь корешков, спустись в нору, поспи. Тебе сразу же станет лучше.

– Говорят тебе, я не хочу тут ни к чему прикасаться! – воскликнул Пятик. – Я скорее вернусь на вересковую пустошь, чем спущусь в эту нору, где даже крыша держится на костях.

– Да нет, она держится на корнях. И в конце концов, ты ведь провел под ней целую ночь.

– Нет, не провел, – сказал Пятик.

– Как нет? А где же ты был?

– Здесь.

– Всю ночь?

– Да. Ты ведь знаешь, что тис – хорошее укрытие.

Теперь Орех заволновался по-настоящему. Если страх выгнал Пятика наверх на всю ночь, в дождь и холод, один на один с подкрадывающимися элилями, то разубедить его будет непросто. Они посидели молча. Наконец Орех сказал:

– Вот так раз! И все-таки я уверен: тебе нужно спуститься и быть вместе со всеми. Сейчас, конечно, я оставлю тебя в покое, а потом приду проверить, как у тебя дела. И не грызи ты больше тисовых листьев.

Пятик не ответил, а Орех вернулся в поле.

День развеял дурные предчувствия. К ни-Фриту стало так жарко, что вся нижняя часть поля подернулась дымкой. Воздух отяжелел от густого запаха трав, словно в конце июня; пахли листики не расцветших еще мяты и майорана, и повсюду мелькали ранние луговые цветы. Все утро в лощине, высоко на березе, возле пустующих нор сновала пеночка, а из глубины мелколесья, откуда-то от заброшенного колодца, доносилось прекрасное пение дрозда. К исходу дня все замерло от жары, с верхних лугов медленно спустилось в тень стадо жующих коров. Почти все кролики забрались в норы. Большинство спали. Только Пятик сидел один под тисовым деревом.

Ранним вечером Орех нашел Шишака, и они отправились в лесок за кроличий городок. Поначалу они двигались осторожно, но очень скоро убедились, что следов никаких зверей крупней мыши там нет.

– Тут и нюхать-то нечего, никаких следов, – сказал Шишак. – Кажется, Барабанчик действительно не соврал. Место и впрямь безопасное. Не то что тот лес, где пришлось переплывать через реку. Тебе-то, Орех, я могу сказать: в ту ночь я до смерти перепугался, только показывать не хотел.

– Я тоже, – ответил Орех. – А что касается *этого* места, то я с тобой согласен. Кажется, здесь ну совсем нет ничего страшного. И если мы…

– А все-таки странно, – перебил Шишак.

Он забрался в заросли куманики и наткнулся на кроличий ход, ведший к нижнему городку. Земля была сырая, мягкая, покрытая ворохом старых листьев. А там, где замер Шишак, резко бросались в глаза следы – совершенно необъяснимые. Кто-то веером разбросал листья. И теперь они висели на куманике, а несколько плоских влажных листочков упало на гладкую землю с другой стороны куста. Голая площадка посередине была изрыта и исцарапана, и друзья заметили глубокую, правильной формы ямку, похожую на ямку от той самой моркови, которой лакомились утром. Оба приятеля осмотрели ямку, обнюхали, но ничего не смогли понять.

– Странная штука – ничем не пахнет, – заметил Шишак.

– Да нет, пахнет кроликом, но это и понятно, кроличий запах тут всюду. Пахнет человеком, но и этот запах тут тоже везде. Вполне вероятно, что они не имеют никакого отношения к этой штуке. Единственное, что я понимаю: по лесу прошел человек и бросил на землю свою белую палочку. Но царапины оставил не он.

– А может, здесь танцевал какой-нибудь лунатик из *этих*?

– Было бы неудивительно, – сказал Орех. – Следы как раз подошли бы. Давай спросим у Барабанчика.

– Что ж, пока это единственная глупость, которую я от тебя услышал. Скажи-ка, с тех пор, как мы здесь, Барабанчик ответил хоть на один твой вопрос?

– Ну-у, не на все.

– А попытайся спросить у него, где он танцует по ночам. Скажи ему: «Барабанчик, а где?..»

– Так, значит, и ты заметил? Он не отвечает ни на одно «где?». И Земляничка тоже. Я решил было, что они, может быть, нервничают из-за нашего появления. Плошка верно сказал – они не бойцы. Вот и напускают на себя таинственный вид, чтобы показаться наравне с нами. Лучше махнуть на это лапой. Не хочется их обижать, да к тому же наверняка скоро все выяснится само собой.

– К ночи опять пойдет дождь, – сказал Шишак. – А может, даже к вечеру. Пойдем попробуем их разговорить.

– По-моему, нам остается только ждать. Но пора возвращаться, ты прав. И ради всего святого, давай попробуем уговорить Пятика пойти с нами. Я боюсь за него. Знаешь, он просидел один под дождем всю ночь.

И пока приятели бежали по мелколесью, Орех вспоминал свой утренний разговор с братом. Пятик оказался на том же месте и после довольно бурной сцены, во время которой Шишак, потеряв всякое терпение, просто рассвирепел, не столько согласился, сколько подчинился требованию спуститься вниз и побрел следом.

Внизу собралась целая толпа, а так как дождь уже начинался, из боковых коридоров появлялись все новые и новые кролики. Они толкались и весело болтали друг с другом. Принесенную утром морковку поделили на всех и разнесли по норам крольчихам с малышами. Никто не ушел и тогда, когда съели морковь. От множества тел исходило приятное тепло. Постепенно разговоры смолкли, но спать, кажется, никто не собирался. Кролики – ночные животные, и если вечерний дождь загонит их в норы, они не торопятся разбегаться. Орех заметил, что почти вся его команда успела найти приятелей среди здешних кроликов. Еще он обнаружил, что, с кем бы он ни заговорил, его узнавали и обращались к нему как к вожаку пришельцев. Земляничку Орех не нашел, но вскоре с другого конца пещеры к нему подошел Барабанчик.

– Я рад, Орех, что ты здесь, – сказал он. – Наши хотят послушать какую-нибудь историю. Надеюсь, среди вас найдется рассказчик, правда, если хотите, начать может кто-нибудь из наших.

Есть кроличья поговорка: «Кролик знает сказок больше, чем тропинок»; и как ирландец не может отказаться от драки, так и кролик не может отказаться от предложения рассказать сказку или какую-нибудь историю. Орех посовещался с друзьями. И через пару минут Черничка объявил:

– Мы решили, что Орех расскажет о наших приключениях, о том, как мы ушли из дома и как, на наше счастье, попали сюда.

Наступила неловкая тишина, которую прерывало только посапывание да перешептывание. Озадаченный Черничка повернулся к Ореху и Шишаку.

– В чем дело? – тихо спросил он. – Я что-нибудь не так сказал?

– Подожди, – вполголоса откликнулся Орех. – Если им что-то не понравилось, пусть сами скажут. У них тут свои обычаи.

Но все молчали, никто даже не собирался объяснять, в чем дело.

– Это нехорошо, Орех, – наконец произнес Черничка. – Тогда ты должен что-то сказать. Или нет, почему ты? Я сам скажу. – И он снова заговорил: – Мы подумали немного, и Орех вспомнил, что у нас есть отличный рассказчик, Одуванчик. Он расскажет вам историю про Эль-Ахрайраха. Это в любом случае им подойдет, – шепнул он своим.

– А какую? – спросил Одуванчик.

Орех вспомнил про камни возле колодца.

– Про кражу королевского салата, – ответил он. – Мне показалось, они тут часто ее вспоминают.

И Одуванчик принялся рассказывать с той же легкостью и готовностью, что и в лесу.

– Я расскажу вам сказку о краже королевского салата, – объявил он вслух.

– Мы ее тоже любим, – немедленно откликнулся Барабанчик.

– Так-то лучше, – пробормотал Шишак.

И Одуванчик начал.

15. Сказка о королевском салате

Дон Альфонсо: Доктор их вылечит. Откройте глазки.
Феррандо и Гульельмо: Да это чучело – Деспина в маске!
Лоренцо да Понте. Так поступают все[10]. Перевод М. Улицкого

Говорят, однажды удача совсем отвернулась от Эль-Ахрайраха и его племени. Недруги выжили их из долины, и пришлось им жить на Кельфацинских болотах. Я не знаю, как выглядят Кельфацинские болота сейчас, но в те времена, когда там поселился Эль-Ахрайрах, это было одно из самых мрачных мест на свете. Из еды там росла одна грубая трава, а в траве все время попадались горький ситник и щавель. Земля же была слишком сырой и для нор не годилась: стоило только выкопать ямку, ее сразу заливала вода. Все звери перестали доверять Эль-Ахрайраху из-за его проделок и не разрешали ему покидать эти проклятые земли, и даже сам принц Радуга каждый день проходил по болотам, чтобы удостовериться, что Эль-Ахрайрах никуда не удрал. У принца Радуги была власть над небом и над холмами, и Фрит разрешил ему править миром, как тот сам пожелает.

Однажды, когда принц Радуга проходил по болотам, Эль-Ахрайрах приблизился к нему и сказал:

– Принц Радуга, все мы мерзнем, но не можем в сырой земле вырыть норы. Наша пища теперь так скудна и убога, что едва зарядят дожди, заболеют многие. Зачем ты держишь нас здесь против нашей воли? Ведь мы никому не чиним зла?

– Эль-Ахрайрах, – ответил принц, – все звери на свете знают, что ты вор и обманщик. И теперь тебя со всеми твоими проказами заперли на болотах, и будешь ты жить здесь до тех пор, пока не убедишь нас в том, что стал честным кроликом.

– Тогда нам никогда не выбраться отсюда, – заметил Эль-Ахрайрах, – ибо я постыдился бы приказать своим подданным забыть про остроумие и сообразительность. А не отпустил бы ты нас, если бы я переплыл озеро, полное щук?

– Нет, – сказал принц Радуга, – я уже слышал об этой твоей проделке, Эль-Ахрайрах, и знаю, как ты это делаешь.

– А не отпустил бы ты нас, если бы мне удалось украсть салат с огорода короля Дарзина? – спросил Эль-Ахрайрах.

А в те времена король Дарзин правил самым большим и самым богатым на свете городом. В гвардии у него служили самые свирепые солдаты, и кресс-салат на его огороде, окруженном самым глубоким рвом, часовые охраняли денно и нощно. Огород находился на окраине города, рядом с дворцом, где жила вся семья короля Дарзина. И когда Эль-Ахрайрах вспомнил о салате короля, принц Радуга лишь рассмеялся:

– Попробуй, Эль-Ахрайрах, и если тебе это удастся, то я приумножу твой род на земле и никто не сумеет уберечь свои огороды отныне и до конца времен. Но случится-то ведь другое: тебя убьют королевские стражи, и мир избавится от симпатичного, очаровательного воришки.

– Это мы еще посмотрим, – возразил Эль-Ахрайрах. – Это мы еще увидим.

А в это время ежик Йона искал на болотах неподалеку улиток и слизняков, и он слышал разговор принца Радуги с Эль-Ахрайрахом. Йона побежал в огромный дворец короля Дарзина, предупредил его о замысле Эль-Ахрайраха и сел в ожидании награды.

– О, король Дарзин, – прохрюкал он, – этот презренный вор Эль-Ахрайрах пообещал украсть твой салат и теперь собирается обманом пробраться в твой огород.

---

[10] Это отрывок из либретто оперы Моцарта «Так поступают все женщины, или Школа влюбленных», которая является классическим примером комедии ситуаций. *(Примеч. ред.)*

Король Дарзин заторопился в огород и велел прислать туда капитана охраны.

– Видишь этот салат? – спросил король. – С тех пор как здесь взошел первый росток, никто еще не стащил ни единого листика. Скоро салат подрастет, и тогда я устрою великий праздник для всего народа. Но мне стало известно, что негодяй по имени Эль-Ахрайрах собирается явиться сюда и украсть салат (если, конечно, ему это удастся). Ты должен удвоить охрану и каждый день проверять всех садовников и тех, кто будет полоть салат. До тех пор, пока я сам или мой придворный дегустатор не прикажем снять урожай, никто не вправе сорвать ни одного листочка.

Капитан охранников сделал все, что ему приказали. Той же ночью Эль-Ахрайрах вышел с Кельфацинских болот и подкрался к огромному рву. Вместе с ним был верный капитан его ауслы – Проказник. Они притаились в кустах и смотрели, как вдоль рва прохаживаются взад-вперед удвоенные караулы. А когда наступило утро, трое гвардейцев стали осматривать садовников и направленных на прополку. Одного из них гвардейцы не знали – он пришел вместо заболевшего дядюшки, – а потому не впустили его и едва не сбросили в ров (правда, потом прогнали домой). В тот день Эль-Ахрайрах и Проказник ушли оттуда в большом смятении, а принц Радуга, прогуливаясь по болотам, насмехался над ними:

– Ну-ка, ну-ка, Принц-у-Которого-Тысяча-Врагов, покажи мне салат с королевского огорода.

– Я послал за ним, – ответил Эль-Ахрайрах. – Но его так много, что придется подождать.

А потом он с Проказником спустился в одну из немногих не залитых водой нор, выставил охрану, и они думали и совещались целый день и целую ночь.

На вершине холма рядом с дворцом короля Дарзина рос сад, где дети Дарзина и дети его приближенных играли со своими матерями и няньками. Вокруг сада не было никакой стены. И охраняли его только тогда, когда приходили дети. По ночам охрану снимали, так как красть там было нечего и пугать некого. На следующую ночь Проказник сделал то, что велел ему Эль-Ахрайрах: отправился в сад и выкопал себе нору. Он прятался в ней всю ночь, а наутро детей привели в сад, и Проказник выбрался из норы и смешался с толпой. Детей было так много, что матери и няньки решили, будто он пришел с кем-то другим, а поскольку и ростом, и внешностью он почти не отличался от детей, кое с кем Проказник успел познакомиться и поближе. Проказник был мастер придумывать игры и уже вскоре носился и прыгал, словно и впрямь был королевским сыном. Когда пришло время уходить домой, Проказник пошел вместе с детьми. Возле городских ворот стражники заметили рядом с сыном короля Дарзина какого-то незнакомца. Они остановили его и спросили, чей он сын, но королевский сын сказал:

– Оставьте его в покое. Это мой друг.

И Проказника пропустили во дворец.

А во дворце Проказник быстро улизнул от детей и нянек и спрятался в самой темной норе, где просидел весь день. Вечером он вылез оттуда и пробрался на королевский склад, где лежала приготовленная для короля, для его жен и его придворных еда. Там были трава и фрукты, коренья и даже орехи и ягоды, ибо племя короля Дарзина в те времена бегало повсюду – и в лесу, и в поле. В кладовой не было часовых, и Проказник спрятался в темном углу. Он наелся досыта, а что съесть не смог, то перепортил.

В тот вечер король Дарзин послал за придворным дегустатором и спросил, не пора ли снимать салат. Придворный дегустатор ответил, что некоторые листики уже просто великолепны и что он отдал приказ принести их в кладовую дворца.

– Отлично, – сказал король, – сегодня вечером я съел бы парочку.

А наутро у короля и кое-кого из придворных заболели животы. И что бы они ни ели, животы не переставали болеть, потому что Проказник в кладовке портил всю еду сразу, как только ее приносили во дворец. Король захотел немного салату, но и от салата лучше ему не стало. Наоборот, стало хуже.

Через пять дней Проказник выбрался из дворца вместе с королевскими детьми и вернулся к Эль-Ахрайраху. Когда он доложил Эль-Ахрайраху, что выполнил все, как было приказано, Эль-Ахрайрах взялся за дело. Он укоротил свой белый хвостик и велел Проказнику выщипать ему шерсть, так что она стала короткой и жесткой, а потом выкрасил ее черникой и грязью. Потом нацепил на себя длинные стебли повилики, свисавшие до самых пят, и прикрылся большим лопухом; ему даже удалось сделать так, что и запах у него стал другой. Наконец, когда даже собственные жены не узнали Эль-Ахрайраха, он, приказав Проказнику следовать за ним, отправился во дворец короля Дарзина. А Проказник остался ждать его на горке.

Войдя во дворец, Эль-Ахрайрах сказал, что хочет увидеть капитана гвардейцев.

– Ты должен отвести меня к королю, – заявил он. – Меня прислал принц Радуга. Он узнал, что король болен, и позвал за мной. Я пришел из-за Кельфацинских болот узнать причину болезни. Поторопись! Я не привык ждать.

– Откуда мне знать, правду ты говоришь или лжешь? – спросил капитан гвардейцев.

– Мне-то какое дело, – ответил Эль-Ахрайрах. – Что значит болезнь какого-то маленького короля для великого врача, пришедшего сюда из-за золотой реки Фрита? Я вернусь к себе и скажу принцу Радуге, что королевский страж глуп и вел себя со мной как блохастый деревенщина.

Он повернулся и пошел прочь, а капитан гвардейцев испугался и окликнул его. Эль-Ахрайрах сделал вид, что поддался уговорам, и солдаты отвели его к королю.

Посидев пять дней на плохой пище и помучавшись животом, король поверил пришельцу, заявившему, что пришел по просьбе принца Радуги, дабы излечить больного. Король захотел, чтобы Эль-Ахрайрах осмотрел его, и обещал выполнить все, что тот скажет.

Эль-Ахрайрах осматривал короля долго. Он заглядывал ему в глаза, в уши и зубы, обследовал королевский помет, когти и потребовал перечислить все, что король ел. Потом пожелал пройти в кладовые и на огород. Когда Эль-Ахрайрах вернулся, вид у него был мрачный.

– Великий король, я знаю, как опечалят тебя мои слова, но причина твоей болезни в том самом салате, для которого ты приготовил свои кладовые, – сказал он.

– В салате?! – вскричал король Дарзин. – Быть не может! Его вырастили из хороших, здоровых семян и охраняют круглые сутки.

– Увы, – сказал Эль-Ахрайрах. – Я и сам это знаю. Но салат поразила ужасная блошемушка – разносчик смертельно опасного вируса… Боже, помоги нам!.. Ну да, эта блошемушка вечно кружит в Ганпате Кладжском, отделенном от всего мира пурпурным Авваго, а живет она в серо-зеленых чащах Оки-Поки. Собственно говоря, я постарался изложить тебе суть дела как можно проще. Говоря по-научному, здесь возможен ряд осложнений, сведениями о которых я не хотел бы тебе надоедать.

– Не могу в это поверить, – произнес король.

– Проще всего самому убедиться. Но не стоит причинять вред домашним. Пусть солдаты приведут сюда какого-нибудь пленника, – предложил Эль-Ахрайрах.

Солдаты вышли из дворца и тотчас же увидели Проказника, который пощипывал травку на пригорке. Они проволокли его через ворота и бросили пред королевские очи.

– А-а, кролик! – воскликнул Эль-Ахрайрах. – Вот наглые создания! Что ж, тем лучше. А ну-ка, мерзкий кролик, съешь этот салат.

Проказник так и сделал и вскоре застонал и заметался. Он судорожно дергался, закатывал глаза. Лапы скребли пол, а на губах показалась пена.

– Видишь, он тяжело заболел, – внушительно произнес Эль-Ахрайрах. – Должно быть, ему попался исключительно пораженный кустик. Или, что более вероятно, для кроликов эта инфекция смертельно опасна. Но в любом случае будем благодарны за то, что вы, ваше величество, не оказались на его месте. Что ж, он свою службу сослужил. Выбросить его отсюда! И я настоятельно советовал бы вашему величеству не оставлять салат на огороде – он созреет,

зацветет и даст семена. Зараза распространится. Я понимаю, это очень печально, но вы должны избавиться от салата.

В этот момент, на счастье Эль-Ахрайраха, вошел капитан гвардейцев с ежиком Йоной.

– Ваше величество, – начал капитан, – этот зверек вернулся с Кельфацинских болот. Племя Эль-Ахрайраха готовится к войне. Они говорят, что нападут на огород вашего величества и утащат весь королевский салат. Не соизволит ли ваше величество отдать приказ, чтобы мы их уничтожили?

– Вот как! – воскликнул король. – Я как раз хотел придумать достойную шутку. «Смертельно опасна для кроликов». Отлично, отлично! Отдайте им столько салата, сколько они захотят. А еще лучше, сорвите тысячу кустиков и отнесите на болота. Ха-ха! Вот так шутка! Я даже почувствовал себя лучше!

– О, какая дьявольская хитрость! – восхитился Эль-Ахрайрах. – Неудивительно, ваше величество, что именно вы правите большим народом. И мне кажется, вы уже начали выздоравливать. В большинстве случаев сложно лишь определить болезнь, а лечение просто. Нет-нет, награда мне не нужна. В любом случае здесь не найдется ничего, что ценилось бы в сияющих землях по ту сторону золотой реки Фрита. Я выполнил желание принца. И с меня довольно. Разве что вы будете столь великодушны и прикажете своим гвардейцам проводить меня до подножия холма? – Он поклонился и покинул дворец.

Ближе к вечеру Эль-Ахрайрах заставил своих кроликов шуметь посильней да бегать туда-сюда по болотам, и тогда над рекой появился принц Радуга.

– Эль-Ахрайрах, – позвал он, – я ничего не понимаю…

– Вполне возможно, – ответил Эль-Ахрайрах. – Ужасная блошемушка…

– Возле болот лежит тысяча кустиков салата. Откуда он там взялся?

– Говорил же я, что послал за ним, – сказал Эль-Ахрайрах. – Едва ли ты мог рассчитывать, что мои кролики, нынче слабые и голодные, смогут сами перенести сюда салат от огорода короля Дарзина. Но теперь, после прописанного мной лечения, они поправятся быстро. Я ведь, с вашего позволения, доктор, а если вы, принц Радуга, еще про это не слышали, то спросите короля Дарзина. Проказник, иди собери салат.

Тогда принц Радуга понял, что Эль-Ахрайрах сдержал слово и наступил его черед выполнить обещание. Принц позволил кроликам уйти с Кельфацинских болот, и они умножали свой род повсюду. С того дня и по сей день никакая сила на свете не может помешать кроликам попасть ни на какой огород, потому что Эль-Ахрайрах оставил им в наследство тысячу проделок, лучше которых нет на свете.

16. Дубравка

Попросил он: «Станцуй для меня».
И сказал: «Красива ты слишком,
Чтобы ветер тебя унес иль
Чтоб солнце сожгло».
А потом прошептал: «Мне ли, жалкому оборванцу,
Говорить злые слова балерине печальной,
Что и мертвой танцует».
С. Киз. Четыре лика смерти. Перевод Вл. Иванова

– Отлично, – сказал Орех, когда Одуванчик замолчал.

– Очень хороший рассказчик, – заметил Серебряный. – Повезло нам, что он тоже с нами пошел. Послушаешь его, и на душе веселей.

– Вот так утер он им нос, – прошептал Шишак. – Пусть поищут рассказчика лучше.

Никто не сомневался, что теперь-то к новичкам отнесутся с настоящим уважением. С самого начала почти всем им было все же не по себе среди сытых, величественных чужаков с их изысканными манерами, «Очертаниями» на стенках, с их элегантной ловкостью, с какой они ускользали почти от любого вопроса, и совсем не кроличьей грустью. А теперь наконец Одуванчик доказал, что и новички не просто кучка бродяг. И конечно, ни один здравомыслящий кролик даже не попытается скрыть восхищения. Приятели подождали, пока им выскажут все положенные восторги, но немного погодя с удивлением поняли, что хозяева отнеслись к рассказу Одуванчика куда прохладней.

– Очень мило, – произнес Барабанчик. Кажется, он старался подыскать еще какие-нибудь слова, но потом повторил: – Да, очень мило. Необычный рассказ.

– Он же наверняка его знает, – шепнул Ореху Черничка.

– Я всегда считал, что в таком традиционном изложении есть своя прелесть, – сказал еще один кролик, – особенно когда его подают в действительно архаичном стиле.

– Да, – подхватил Земляничка. – Вера – самое главное. Просто так и хочется поверить в Эль-Ахрайраха и принца Радугу, не правда ли? А все остальное – следствие.

– Помолчи, Шишак, – зашептал Орех, потому что Шишак негодующе подобрался. – Силой мил не будешь. Подождем, посмотрим, что они сами-то могут. – И сказал вслух: – Как вы понимаете, наши рассказы передаются из поколения в поколение. И мы живем так, как жили наши деды и деды наших дедов. У вас все по-другому. Мы это поняли, и нам кажется, что ваши новые взгляды и мысли очень интересны. Но теперь нам хочется послушать, какие истории рассказывают у вас.

– Мы не часто рассказываем старинные истории, – произнес Барабанчик. – Наши рассказы и стихи обычно о нас самих. Даже уже известное вам «Очертание» Ракитника теперь считается старомодным. Мы не слишком увлекаемся Эль-Ахрайрахом. Это не значит, что ваш приятель рассказывал плохо. История очаровательна, – торопливо добавил он.

– Эль-Ахрайрах – мастер на выдумки, – вмешался Алтейка, – а выдумка кроликам нужна всегда.

– Нет, – произнес новый голос, раздавшийся в дальнем конце пещеры, за спиной Барабанчика. – Кроликам нужно чувство собственного достоинства и – что самое главное – готовность примириться с судьбой.

– Мы считаем, что такого поэта, как Дубравка, у нас не было много-много месяцев, – сказал Барабанчик – Очень многообещающий. Хотите послушать?

– Да, да, – послышалось со всех сторон. – Дубравка!

– Орех, – неожиданно проговорил Пятик, – мне нужно точно понять, что такое этот Дубравка, но один я боюсь подходить ближе. Давай вместе?

– Чего ты хочешь, Пятик? Чего ты опять испугался?

– О Фрит небесный! – дрожа, шепнул Пятик. – Мне же слышно отсюда его запах. Его-то я и боюсь.

– Пятик, не говори глупости! Он пахнет так же, как все остальные.

– Он пахнет как сбитое дождем ячменное зерно, гниющее в поле. Он пахнет, как раненый крот, который не смог уползти в свою нору.

– А по мне, так он пахнет как толстый, большой кролик, в животе у которого полно морковки. Но я подойду с тобой вместе.

Когда, протиснувшись сквозь толпу, они подобрались к другому концу пещеры, Орех с удивлением увидел, что Дубравка – простой недомерок. В Сэндлфорде такого никто никогда не попросил бы что-нибудь рассказать, разве что в кругу нескольких приятелей. Вид у Дубравки был лихой и отчаянный, уши так и ходили ходуном. Начав говорить, он, казалось, постепенно забыл о слушателях и все время поворачивал голову в сторону тоннеля, который темнел у него за спиной, будто прислушиваясь к какому-то неведомому, слышному только ему одному звуку. Голос его завораживал, как движение света и ветра над лугом, и вскоре, почувствовав ритм стиха, в пещере замолкли все.

Гуляет ветер, ветер над травою,
Сережки ив серебряных качает.
Куда ты, ветер, мчишься так? – Далёко,
За горы и холмы, за край земли. —
Возьми меня с собою прямо ввысь,
И я помчусь, я стану Кролик Ветра
Там, в небе перистом, где небеса и кролик.

Река бежит, бежит себе над галькой,
Меж синих вероник и желтых лилий.
Куда ты мчишься так, река? – Далёко,
Всю ночь скольжу за вересковый склон. —
Возьми меня, река, в сиянье звездном,
И я помчусь, я стану Кролик Рек
За гладью вод, где зелень вод и кролик.

Летит по осени дождь листьев желтых, бурых.
Шуршат в канаве листья, виснут на ограде.
Куда вы мчитесь? – Мы уйдем далёко,
Куда дожди и ягоды уходят. —
Возьмите и меня в глубь темных странствий.
Помчусь за вами, стану Кролик Листьев
В глубинах недр, где лишь земля и кролик.

Под вечер Фрит лежит на красных тучах.
Я здесь, милорд, бегу в траве высокой.
Возьми меня с собой за лес и горы,
Туда, где сердце тишины и света.
Я рад отдать тебе дыханье жизни,
О солнца круг, слепящий круг и кролик!

На мордочке заслушавшегося Пятика отражались одновременно глубочайшее внимание и невероятный ужас. Казалось, он впитывает каждое слово и в то же время умирает от страха. Один раз он затаил дыхание, словно испугавшись собственных, недодуманных даже мыслей, а к концу просто совсем потерял над собой контроль. Он скалил зубы и облизывался, как Черничка на дороге возле мертвого ежика.

Иногда, увидев врага, кролик цепенеет – то ли от страха, то ли в своей простодушной надежде остаться незамеченным. Но потом, если оцепенение не переходит в паралич, он, словно сбросив чары, срывается с места невероятным броском. С Пятиком произошло сейчас нечто подобное. Он вдруг подпрыгнул и отчаянно заработал лапами, пробиваясь сквозь толпу к выходу. Получив сильный пинок, какой-нибудь кролик сердито провожал его глазами, но Пятик не обращал на это внимания. Потом он застрял между двумя толстяками и не смог двинуться с места. Тут он забился, закричал, зацарапал пол, и Ореху, заторопившемуся следом, стоило немалых трудов предотвратить драку.

– Видите ли, мой брат тоже немного поэт, – сказал он рассерженным хозяевам. – Иногда он так вот разволнуется, хотя и сам не всегда понимает почему.

Одному из обиженных объяснений Ореха, похоже, хватило, но второй сказал:

– Ах вот так, еще один поэт? Что ж, давайте послушаем и его. Это будет мне вроде награды за попорченное плечо. Он выдрал у меня целый клок.

Но Пятик был уже далеко, в противоположном конце пещеры, и, протискиваясь к выходу, Орех думал только о том, что нельзя оставлять его одного. Правда, оправдываясь за поведение Пятика, Орех и сам сердился на брата, который никак не желал подружиться с новыми знакомыми, а потому, проходя мимо Шишака, сказал:

– Пошли, поможешь мне привести его в чувство. Драка сейчас нужна нам меньше всего на свете.

Он решил, что Пятик заслужил небольшую трепку.

Вдвоем они побежали за Пятиком и догнали у самого выхода. Прежде чем кто-нибудь из них успел сказать хоть слово, Пятик обернулся и заговорил, словно отвечая на вопрос:

– Почувствовали? А теперь хотите спросить, знал ли я это раньше? Конечно знал. Это-то и плохо. Он ничего не придумал. Он говорил правду. А раз это правда, значит он не сумасшедший – вы ведь это хотели сказать? Я не виню тебя, Орех. Когда мы подошли к нему, мне показалось, будто я облако и меня вот-вот захватит большая туча. А потом в какой-то момент я вдруг почувствовал, что больше ему не подчиняюсь. Не знаю почему. Не по своей воле – случайно. Какой-то маленький уголок сознания помог мне выбраться. Говорил я тебе, крыша в этой пещере держится на костях! Но нет! Туман безумия закрыл настоящее небо, и мы никогда больше не увидели бы свет Фрита. Что теперь с нами будет? Правда не живет там, где туман сумасшествия, Орех.

– О чем это он, боже мой? – спросил у Шишака ошарашенный Орех.

– О болване-поэте, – ответил Шишак. – Это-то я понимаю. Но похоже, твой братец решил, будто мы приняли всерьез вислоухого олуха с его болтовней, а вот это уже выше моего понимания. Отдыхай, Пятик. Нас волнует только переполох, который ты учинил. Что же касается этого Дубравки, этого Дубравного Корешка, могу сказать одно: Дубравку мы вырвем, останется один Корешок.

Пятик так вытаращил глаза, что они стали просто как у мухи – больше головы.

– Ты думаешь? – сказал он. – Ты в это веришь? Но тогда все вы, каждый на свой лад, тоже бродите в этом тумане. Где?..

Орех перебил его, и Пятик вздрогнул.

– Пятик, я не стану притворяться. Я догнал тебя, потому что рассердился и хотел вправить тебе мозги. Ты нам испортил прекрасное начало…

– Испортил?! – воскликнул Пятик. – Я *испортил*?! Да все это племя…

– Успокойся. Я хотел выбранить тебя, но ты так расстроен, что без толку это. Сейчас ты отправишься с нами вниз и ляжешь спать. Пошли! И помолчи немного.

Кроликам порой проще, чем людям, потому что они не стыдятся применить силу. И Пятик, у которого не было выбора, спустился вслед за своими провожатыми в нору, где Орех провел предыдущую ночь. Теперь там никого не было, и они легли и уснули.

17. Блестящая проволока

Когда травы цветущий луг
Лишится, взор откроет вдруг
Дурные вещи;
И лес безмолвный за спиной
Обступит вдруг глухой стеной —
И «в клещи»!

Скрипит засов, а по дороге,
Скрипя, подкатывают дроги,
И вдруг
Приходят женщины, они черны.
Еще – прозекторы, все горбуны.
«Чик!» – и каюк!
У. Х. Оден. Свидетели. Перевод С. Степанова

Было холодно, было очень холодно, крыша была сделана из костей. Крыша из сплетенных тисовых веток – крепкие сучья качались туда-сюда, вверх-вниз, твердые, словно лед, усеянные тусклыми красными ягодами. «Пошли, Орех, – сказал Барабанчик. – Мы хотим отнести ягоды и съесть их в большой пещере. Если твои друзья хотят жить по-нашему, они должны научиться таскать все во рту». «Нет! Нет! – закричал Пятик. – Нет, Орех!» Но потом появился Шишак, качавшийся на ветках вверх-вниз, и рот у него был полон ягод. «Смотри! – сказал Шишак. – У меня получается. Я нашел другую дорогу. Орех, спроси меня „где?“! Спроси – „где?“! Спроси – „где?“!» Потом они бежали другой дорогой, бежали уже не к норам, а по полю, по холоду, и Шишак ронял ягоды – кроваво-красные капли, красные капли, твердые, словно проволока. «Нет, – сказал он. – Не надо их трогать. Они холодные».

Орех проснулся. Он был в норе. И трясся от холода. Почему рядом никого нет? Где Пятик? Орех сел. Дальше ерзал и ворочался Шишак, тщетно пытаясь прижаться к теплому боку. Песок на месте Пятика еще не остыл, а Пятик исчез.

– Пятик! – позвал Орех в темноту.

Но, не успев закрыть рот, он понял, что Пятик не отзовется. Орех ткнулся носом в Шишака, пытаясь его растолкать.

– Шишак! Пятик исчез! Шишак!

Шишак проснулся почти мгновенно, и, как никогда, Орех обрадовался его выдержке.

– Что ты сказал? Что случилось?

– Пятик исчез.

– Куда исчез?

– Он отправился наверх, на силфли. Только туда. Ты же знаешь, по этим норам бродить он не станет. Он их ненавидит.

– Вот ведь зануда. Из-за него-то я и замерз. Думаешь, с ним что-то случилось? Так, да? Хочешь, пойдем поищем?

– Да, хочу. Он огорчен, перенервничал, а сейчас ночь. Что бы ни говорил Земляничка, и сюда может забрести элиль.

В ответ Шишак понюхал воздух.

– Скоро рассветет, – сказал он. – А когда рассветет, мы его отыщем. Конечно, искать лучше вместе. Не волнуйся – далеко он уйти не мог. Клянусь королевским салатом! Но на этот раз, когда мы его поймаем, я за себя не ручаюсь.

– Ты поколотишь его, а я добавлю. Если только найдем. Пошли!

Они побежали вверх по тоннелю, но у выхода оба остановились.

– Если бы собрать наших, то можно было бы сначала разведать, вдруг там горностай или сова, а уж потом идти, – заметил Шишак.

В эту минуту из дальнего леса донесся голос совки. Услышав его, приятели инстинктивно сжались, замерли, слыша только удары сердца, и, когда досчитали до четырех, послышался второй крик.

– Улетает, – произнес Орех.

– Интересно, сколько полевок так говорили? Ты же знаешь, она только делает вид. На то и рассчитывает.

– Что же делать? – спросил Орех. – Пятик где-то там, и я должен его найти. А ты прав. Светает.

– Посмотрим сначала под тисом?

Под тисом Пятика не оказалось. В предрассветном сумраке проступало верхнее поле, но за дальней изгородью внизу, над ручьем, все лежало в темноте. Шишак спрыгнул на поле и описал в мокрой траве длинный полукруг. Вернувшись почти к самой норе, из которой они вышли, он подождал Ореха.

– Вон там его след, – сказал Шишак. – Еще свежий. От норы прямиком к ручью. Далеко не уйдет.

Когда на траве еще лежат дождевые капли, след заметить нетрудно. Кролики помчались в поле к изгороди за морковной площадкой, где бежал ручеек. Шишак не ошибся – след был свежий. Стоило им пролезть через изгородь, они увидели Пятика. Тот завтракал в одиночестве. Несколько огрызков моркови еще лежали возле ручья, но Пятик не прикоснулся к ним и щипал траву подле кривой яблони. Когда друзья подошли поближе, Пятик поднял голову.

Орех молча пристроился рядышком и принялся за траву. Теперь он уже жалел, что взял с собой Шишака. В предутренней тьме, не оправившись от потрясения из-за пропажи брата, он радовался поддержке. А теперь, рядом с Пятиком, таким маленьким и родным, не способным никого обидеть, не способным скрывать свои чувства, глядя, как он дрожит в мокрой траве то ли от холода, то ли от страха, Орех почувствовал, как злость проходит. Он жалел брата и думал, что стоит немного побыть с ним рядом – и Пятику станет легче. Убеждать Шишака говорить мягче поздно, остается только надеяться на лучшее.

Но, вопреки опасениям Ореха, Шишак и сам не сказал ни слова. Он, наверное, ждал, что Пятик заговорит первым, и теперь растерялся. Некоторое время все трое молча двигались по траве, тени тем временем стали четче, и далеко за деревьями заворковали лесные голуби. Ореху начало казаться, что все кончится хорошо, что натура у Шишака много тоньше, чем он думал, но вдруг Пятик сел, очистил мордашку передними лапами и впервые посмотрел на них прямо.

– Я ухожу, – заявил он. – Мне очень жаль. Я хотел бы тебе пожелать всего хорошего, Орех, но в этих местах ничего хорошего нет. Так что просто прощайте.

– Куда это ты уходишь, Пятик?

– Все равно. Если смогу, доберусь до холмов.

– Сам? Один? Ты не дойдешь. Ты погибнешь.

– У тебя нет ни одного шанса, старик, – сказал Шишак. – Попадешь к кому-нибудь на обед еще до ни-Фрита.

– Нет, – спокойно ответил Пятик. – Вы гораздо ближе к смерти, чем я.

– Ты что, хочешь напугать меня, ты, несчастный писклявый пучок мокричника?! – воскликнул Шишак. – Я не хотел…

– Подожди, Шишак, – сказал Орех. – С ним надо помягче.

– Ты же сам говорил… – начал было Шишак.

– Знаю. Но я передумал. Извини, Шишак. Я хотел, чтобы ты помог мне заставить его вернуться в нору. А сейчас… Мне всегда казалось, что в его словах что-то есть. Последние два дня я его и слушать не хотел, да и теперь мне кажется, что он просто устал. Но у меня не хватит духу силой тащить его обратно. Что-то и в самом деле в этих местах пугает его до смерти. Я пройдусь с ним немного, может, нам удастся поговорить. Не могу просить тебя идти на такой риск. Кроме того, остальным тоже надо знать, что происходит, но кто им скажет, если не ты? Я вернусь до ни-Фрита. Надеюсь, мы вернемся вдвоем.

Шишак не сводил с него глаз. Потом с яростью накинулся на Пятика.

– Ах ты, паршивый маленький таракан! – возмутился он. – Ты ведь так и не научился выполнять приказы! Все время «я, я, я». «О, моя пятка плохо себя сегодня чувствует!» А потому все должны теперь встать на голову? И сейчас – мы нашли прекрасное место, нас приняли даже без драки, а ты изо всех сил постарался испортить все! Лучший наш кролик вынужден рисковать жизнью, чтобы нянчиться с тобой, пока ты болтаешься по полю, как мышь под луной. Я скажу тебе просто: ты мне надоел. Я возвращаюсь, чтобы всем все рассказать. Будь уверен, они от тебя отвернутся – смотри не промахнись.

Он повернулся и исчез в ближайшем просвете между кустами. В то же мгновение с другой стороны произошло что-то страшное. Кто-то забился, задергался. В воздух взлетела палка. Взметнулись мертвые мокрые листья, полетели через просвет в изгороди и легли рядом с Орехом. Ходуном заходили кусты куманики. Орех с Пятиком переглянулись – оба боролись с желанием удрать. Что за враг оказался на той стороне? Ни шипения кошки, ни вскрика кролика – только треснули ветки да заколебалась трава.

Собравшись с силами, наперекор инстинкту, Орех выглянул в просвет между кустами, за ним – Пятик. Их глазам предстало страшное зрелище. Прошлогодние листья взлетели веером. Земля была голая, исцарапанная, изрытая. Шишак лежал на боку, лапы дергались. Длинная крученая медная проволока, прикрепленная к прочному, вбитому в землю колышку, тускло поблескивая в первых лучах солнца, обвилась вокруг шеи Шишака, оплетя и переднюю лапу. Затяжная петля туго впилась в шею. По плечу текли капли крови, красные, темные, как ягоды тиса. Несколько секунд Шишак лежал в изнеможении, задыхаясь, бока его ходили ходуном. Потом снова вскочил и стал рваться то вперед, то назад, дергаясь, падая, – до тех пор, пока не задохнулся и не затих.

В ужасе Орех выскочил из-за изгороди и сел рядом. Глаза Шишака были закрыты, губы раздвинулись, обнажив в застывшей ухмылке длинные передние зубы. Нижнюю губу Шишак прокусил, и теперь из нее тоже сочилась кровь. Губы и грудь покрылись пеной.

– Тлайли! – вскакивая, воскликнул Орех. – Тлайли! Послушай меня! Ты попал в силки! В силки! Как поступали в аусле? Давай – вспомни! Как тебе помочь?

Наступила пауза. Задние ноги Шишака дернулись еще раз, но уже слабее. Уши обвисли. Шишак открыл невидящие глаза – белки налились кровью, а коричневые зрачки вращались туда-сюда. Потом раздался глухой, слабый голос, на губах запузырилась кровь.

– Аусла… Плохо… Кусать… проволока. Колышек… надо достать… рыть… – По телу пробежала дрожь, он заскреб землю. Потом снова затих.

– Пятик, беги! Беги к норам! – закричал Орех. – Приведи Черничку и Серебряного. Быстрее! Иначе он умрет!

Пятик вылетел в поле, как заяц. Орех, оставшись один, попытался сообразить, что же делать. Что такое колышек? Как его «рыть»? Он посмотрел на страшное тело перед собой. Шишак лежал прямо на проволоке, которая тянулась у него из-под живота, исчезая в земле. Орех пытался превозмочь собственное невежество. Шишак велел рыть. Наконец до Ореха дошло. Он принялся подкапывать под Шишаком мягкую землю, пока вскоре не наткнулся на что-то гладкое и твердое. Озадаченный, он остановился и увидел рядом Черничку.

– Шишак только что говорил, – начал Орех. – Он сказал: «Вырыть колышек». Что это значит? Что делать?

– Подожди минутку, – прервал его Черничка. – Дай подумать и не торопи меня.

Орех отвернулся, глядя вниз по течению ручья. Далеко, между двух пролесков, стояла вишня, под которой два дня назад на восходе солнца сидели Черничка и Пятик. Он припомнил, как в высокой траве Шишак, забыв про недавнюю ссору, играл с Дубком в прятки, радуясь, что дошли. А теперь Дубок бежал к нему, а следом еще трое – Серебряный, Одуванчик и Плошка. Одуванчик обогнал всех, первым проскочил изгородь, остановился и сел, вздрагивая и тараща глаза.

– Что это, Орех? Что случилось? Пятик сказал…

– Шишак попал в проволоку. Не подходи, пока Черничка не скажет, что делать. И не давай подходить другим.

Одуванчик повернулся и побежал навстречу Плошке.

– Барабанчик придет? – поинтересовался Орех. – Он-то наверняка знает…

– Он не придет, – ответил подоспевший Плошка. – Он не велел Пятику говорить об этом вслух.

– Не велел что делать? – недоверчиво спросил Орех.

Но в этот момент раздался голос Чернички, и Орех бросился к нему.

– Вот оно, – сказал Черничка. – Проволоку держит колышек, а колышек – в земле. Вот смотри. Мы должны его вырыть. Давай рой сбоку.

И Орех снова принялся копать, отбрасывая мягкую влажную землю передними лапами, царапая твердый колышек. Он почти забыл о товарищах, сидевших рядом. Через некоторое время Ореху пришлось сделать передышку. На его место встал Серебряный, потом Алтейка. Они уже раскопали чистый, гладкий, отвратительный, пахнущий человеком колышек на длину кроличьего уха, но тот все не поддавался. Шишак лежал неподвижно. Он лежал прямо на проволоке, истерзанный, окровавленный, и глаза его были закрыты. Алтейка высунулся из ямы и соскреб с мордочки грязь.

– Сужается книзу, – сказал Алтейка. – Как морковка. Кажется, можно бы перегрызть, но зубы не достают.

– Пусти Плошку, – велел Черничка. – Он поменьше.

Плошка сунул голову вниз. Они услышали звук расколовшегося дерева – будто мышь заскреблась ночью в стене сарая. Плошка выбрался с окровавленным носом.

– Щепки колются, и дышать трудно, но почти догрыз.

– Теперь Пятик, – сказал Орех.

Пятик торчал в ямке недолго. Он тоже разодрал нос до крови.

– Разгрыз. Готово.

Черничка ткнулся носом в голову Шишака. Голова качнулась с боку на бок и снова откинулась назад.

– Шишак, – прошептал Черничка прямо ему в ухо. – Мы достали колышек.

Ответа не последовало. Шишак лежал неподвижно. Большая муха села ему на ухо. Черничка сердито прогнал ее, и она, жужжа, исчезла в лучах солнца.

– Кажется, все, – сказал Черничка. – Не слышно дыхания.

Орех присел рядом с Черничкой, его ноздри почти касались носа Шишака, но из-за легкого ветерка он никак не мог разобрать, дышит Шишак или нет. Ноги безжизненно вытянулись, живот вяло обвис. Орех пытался вспомнить то немногое, что ему доводилось слышать о ловушках. Сильный кролик может сломать себе шею, если станет рваться. А если проволока сдавила дыхательное горло?..

– Шишак, – позвал он друга. – Мы тебя вытащили. Ты свободен.

Шишак не двинулся. И вдруг Орех понял, что если Шишак мертв – а почему же еще может он лежать здесь в грязи и молчать? – тогда он, Орех, должен увести остальных раньше, чем они от горя лишатся мужества и присутствия духа, что неизбежно произойдет, останься они рядом с телом. Кроме того, сюда скоро придет человек. Может, даже уже идет – забрать несчастного Шишака – и несет с собой ружье. Надо уходить, а он, Орех, обязан добиться, чтобы каждый – и он сам в том числе – навсегда забыл все, что здесь случилось.

– Сердце мое взывает к Тысяче, ибо наш друг перестал бегать, – сказал Орех Черничке, вспомнив кроличью поговорку.

– Да, но ведь это Шишак, – возразил Черничка. – Как же мы без него?

– Нас ждут, – сказал Орех. – Мы должны выжить. Мы все должны помнить об этом. Помоги, я один не справлюсь.

Он отвернулся от тела и поискал глазами за спинами остальных Пятика. Пятика не было видно, и Орех побоялся спросить о нем, чтобы никто не заметил его слабости и не подумал, будто он ищет утешения.

– Плошка! – гаркнул он. – Ты почему еще не очистил нос, он у тебя весь в крови. Запах крови зовет врагов. Ты что, разве не знаешь?

– Да, Орех. Прости, пожалуйста. А Шишак…

– И еще! – с отчаянием произнес Орех. – Что это вы такое болтали о Барабанчике? Вы сказали, будто он велел Пятику молчать?

– Да, Орех. Пятик прибежал в нору и стал рассказывать о ловушке, о том, что бедный Шишак…

– Понятно. Дальше что?

– Барабанчик, Земляничка и все остальные сделали вид, будто ничего не слышат. Это было ужасно глупо, потому что Пятик всех созвал. А когда мы побежали, Серебряный сказал Барабанчику: «Ты, конечно, с нами?» Но Барабанчик повернулся спиной. А потом к нему подошел Пятик и очень тихо что-то сказал, я не слышал что, но зато слышал, что ответил Барабанчик. «Мне все равно, куда вы уйдете, в холмы или к Инле, но придержи язык» – вот что он сказал. А потом он замахнулся на Пятика и оцарапал ему ухо.

– Я его убью, – хрипло выдохнул за спиной Ореха прерывающийся голос.

Все подпрыгнули и обернулись. Шишак приподнял голову и попытался встать на передние лапы. Тело его вздрагивало, нижняя часть спины и задние лапы все еще лежали неподвижно. Глаза открылись, но под страшной маской, весь залепленный кровью, пеной, рвотой и землей, Шишак больше походил на какого-нибудь кроличьего демона, чем на кролика. Поэтому, вместо того чтобы вздохнуть с облегчением и обрадоваться, друзья перепугались. Молча они отшатнулись назад.

– Я его убью, – снова услышали они, глядя на слипшуюся шерсть и перепачканные усы. – Помогите, чтоб вам! Что, никто не может снять с меня эту вонючую проволоку? – И он дрыгнул задними ногами. И тут же упал и пополз вперед, волоча за собой по траве и проволоку, и болтавшийся на ней огрызок колышка.

– Отойдите! – крикнул Орех, потому что теперь все ринулись помогать. – Вы что, хотите его доконать? Дайте ему отдохнуть! Дайте отдышаться!

– Никаких «отдохнуть»! – прохрипел Шишак. – Я в порядке. – И с этими словами снова упал, но приподнялся на передние лапы. – Задние ноги… Не держат… Ох уж этот мне Барабанчик! Я его убью!

– Выгнать их из нор! – воскликнул Серебряный. – Что они за кролики? Бросить Шишака на погибель! Все слышали, что он сказал. Они трусы. Выгоним и убьем! Захватим норы и сами будем там жить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.